

АНАР

АМУЛЕТ ОТ СГЛАЗА
(Повесть)

БАКУ – 2014

Предисловие

«ГЕЗ МУНДЖУГУ» АНАРА

«Я понял, что действительность, жизнь, Вселенную и мир объяснить логически невозможно.

А понять человека вообще, кажется, непостижимо...»

Анар

«Амулет от сглаза»

Мысли, высказанные писателем в эпиграфе повести «Амулет от сглаза», потрясли меня. Они красной нитью проходят через все его творчество. Анар исследует тонкости человеческой души, многообразие проявлений нашей с вами сущности, определяет движущие нами поступки и действия, их мотивы... Неужели это возможно? Оказалось, что возможно. Ведь не случайно, «человековедение» называют синонимом литературы. Конечно, разговор идет о подлинной литературе – наука здесь бессильна. Нельзя настолько глубоко изучить человека, поместив его в узкие рамки философских воззрений либо социологических опытов. Ведь если наука изучает человека, накладывая на него некие шаблоны и трафареты, исходя из конкретных критериев, то литература создает виртуальную реальность, не ограничивая действия персонажей ничем, кроме воображения самого автора. В то же время эстетически обогащая читателей, литература позволяет им намного глубже воспринимать сущность сюжета.

В эпиграфе повести «Гез мунджугу» писатель приводит цитату немецкого философа Ф.Ницше: «Искусство дано нам для того, чтобы Правда (действительность) нас не уничтожила...» Ницше жил в конце XIX-начале XX века. Но и сегодня, читая повесть Анара, нельзя не поразиться точности и актуальности этого афоризма. Написать правду, но написать ее с таким мастерством, чтобы не «уничтожить» читателя. Иногда мне кажется, что у Анара всего один герой – Человек! В его творчестве все дополнительные приемы, описание событий и обстоятельств строго подчинены одной цели – представить суть героя, сосредоточить на нем и на его душе внимание. Во всех своих произведениях писатель каждый раз присваивает своему герою новое имя, заставляет его существовать и действовать в различных непростых жизненных ситуациях, обрекая на мучительные скитания в чужих краях, испытывая его на прочность, лишая родины, ставя лицом к лицу со смертью. Мастер росчерком пера делает одних несчастливими, иным же дарует благополучие... Только так можно понять героя. Анар живет со своими персонажами, глубоко ощущает их боль и страдания. Созданные им герои настолько реалистичны, что порой кажется, ход событий вот-вот выйдет из-под контроля автора и персонажи начнут жить собственной жизнью. Во всяком случае, я как читатель иногда отчетливо ощущаю изумление и удивление самого писателя коллизиями жизненных судеб героев. Так в одном из своих писем Павлу Вяземскому удивлялся Александр Пушкин: «Представьте, какой фортель выкинула со мной моя Татьяна. Она вышла замуж». Может, именно в этом следует искать причину столь неожиданных развязок, не свойственных творчеству Анара, а также оставшихся в финале множества нерешенных вопросов. Сам писатель не может (или не считает нужным) ответить на некоторые из них.

...Предоставляя герою свободу, Анар вместе с тем соблюдает литературные каноны. Создавая цельный характер, изображая положительные и отрицательные качества, сильные и слабые стороны личности, наделяя каждого свойственной только этому персонажу индивидуальной речью, автор постоянно держит читателя в напряжении, а самое главное, пожалуй, дает почву для размышлений.

Читая рукопись недавно завершённой писателем повести «Гез мунджуг», я в каждом слове, в каждом предложении ощущала мощь стиля Анара, его пера. Это новое, современное творение писателя, проза нашего времени с оригинальным сюжетом. Писатель и в этой книге остался верен своим принципам. Предоставив герою полную свободу, он с филигранной точностью выписал все, даже мелкие детали. На первый взгляд это произведение о «дурном глазе» и всем, что за этим стоит. Существуют ли на самом деле подобные зловерные «заморочки»: порча, сглаз, наговор и т.д., – это спорный вопрос. Кто-то верит, а кому-то и дела до этого нет. В этой книге – гез мунджуг и «дурной глаз» используются автором как художественный прием, позволяющий писателю рельефно отобразить человеческий характер, его черты, скрытые ото всех, темную сторону людской натуры, накопленные в ней с годами злобу, ненависть, боль и комплексы. К тому же, говоря о существовании и влиянии порчи и сглаза на людские судьбы, писатель убедительно ссылается на авторитетные философские источники.

Прежде чем перейти к краткому описанию сюжета произведения, хотелось бы в сжатой форме поделиться своими мыслями о некоторых достоинствах повествования.

Главная особенность повести – в ее актуальности. Писатель не позиционирует себя как проповедника новой философии, он не ставит перед собой задачу «написать о том, что никто не знает, и о чем еще не говорилось. Приведенные перед каждой главой эпиграфы говорят о древности сюжетных линий, о том, что эта тема озадачивала интеллектуальную элиту на протяжении тысячелетий, находила отражение во многих исследованиях. Человеческая природа, «дурной глаз», злоба, ненависть, зависть – это вечные вопросы, к которым обращались и до корней которых пытались докопаться многие мудрецы еще с древних времен, начиная с Конфуция и Авиценны, многие ученые, философы, а также писатели и поэты, потому что все это было, по моему мнению, заложено в человеке изначально. Наши прародители Адам и Ева по причине своей беспечности, игнорируя заповеди Всевышнего, вкусили запретный плод и были изгнаны из Рая. Или же братоубийство Каином Авеля. Охваченный злобой, завистью и ненавистью Каин убивает родного брата... Подобным примерам нет счета. В наше время аналогичные случаи, похожие ситуации не редкость, и, наверное, поэтому все это бесчисленное множество проявлений человеческой натуры является неисчерпаемой темой для множества исследований. И в данной книге писатель вновь возвращается к этому древнему, как сама история, сюжету, рассматривает его со своей точки зрения, опираясь на личные наблюдения. Борьба Добра со Злом – это извечный конфликт, возникший вместе с появлением человека, бесконечная тема для изучений и исследований посредством литературных и научных методик. Должно быть, описанная в Авесте борьба Ахримана с Ормуздом не закончится никогда. Вот именно об этом хочет сказать – и сказал! – Анар. Однако он несколько иначе подошел к этому вопросу, объединив в одном человеке и добро, и зло, и таким способом показывает противоречия, бушующие в душе героя. Показывает, как в его характере, поступках проявляются и чередуются то положительные (с точки зрения общепринятой морали), то отрицательные черты.

Несмотря на разветвленность сюжета и его глубину, события в повести развиваются динамично. Писатель не утомляет читателя пространными комментариями и описаниями. Лаконично изложенными, бьющими точно в цель мыслями он раскрывает суть событий. Вместе с

тем повесть разительно отличается от многих современных произведений, от того, что принято считать прозой XXI века. Дело в том, что многие писатели, стремясь не отстать от времени и привлечь внимание читателя, перегружают свои произведения информацией, позиционируя ее на переднем плане. В результате такие сочинения неизбежно теряют свою самобытность, художественность, обретают статус энциклопедических справок. В результате произведения становятся выхолощенными, бездушными, безжизненными и безличными. Стоит лишь закрыть книгу, и уже не помнишь ни фабулы, ни сюжета, а из имен порой лишь одно.

В «Гез мунджугу» же писатель отводит определенное место современности: скорости нынешнего времени и информационности, но главное внимание уделяет художественной стороне произведения. Анар умело растворяет информацию в художественном тексте, выделяя лишь самое главное. В этом произведении Анару удалось с присущим ему мастерством совершенно иначе, по-новому интерпретировать классические сюжеты.

Книга читается легко, что называется, на одном дыхании. С первых строк повесть зачаровывает и не отпускает. «Боль...ужасная, невыносимая боль...» – эти первые слова сразу же интригуют читателя: что за боль, в чем ее причина? По мере прочтения все проясняется. Героя произведения Ахлимана хоронят заживо. После этого человек «оживает» (встает из могилы). Описание могилы и состояние оказавшегося в ней героя писатель начинает строками Юниса Имре и постепенно, от предложения к предложению, погружает читателя в страшную ауру. Когда я читала эту главу, у меня перехватывало дыхание – таким сильным был художественный эффект. Чередуя короткие и длинные предложения, бессвязные и путанные мысли, Анар живо и точно передает ужас, боль, смятение и страх «ожившего» в могиле, обмотанного саваном человека. Невольно содрогаясь от кошмара, я погружалась в атмосферу холодного, сырого, темного, замкнутого пространства и еще отчетливее воспринимала тот ужас, который испытывал герой. Очевидно, так и было задумано писателем – донести до читателя весь ужас, пережитый Ахлиманом. Ведь если подумать, зерна добра и зла, присущие Ахлиману, есть в каждом из нас – чего-то больше, чего-то меньше. Но что же формирует в нас добро и зло, эти две противоположности? Писатель отвечает на этот вопрос. Множество факторов влияют на наше понимание плохого и хорошего. Критерии его определяют и детские комплексы, и сложности подросткового возраста, быт, общественная мораль и т.д.

Но об этом позже. А пока мне хотелось бы сосредоточить внимание на поразившей меня первой главе, в которой писатель повествует то от имени героя, то от своего имени. Временами кажется, что герой все понимает, здраво рассуждает, но иногда он или засыпает, или впадает в забытие – и тогда слово берет писатель.

В этой главе Ахлиман рождается заново. Поэтому так неожиданно и эффектно сравнение автора материнского чрева с могилой. Но в отличие от новорожденных, у взрослого Ахлимана есть память. В могиле перед его глазами чередой пронесли, словно кадры киноленты, все моменты его жизни. Так же как и в материнском чреве, ему тесно – он крутится, возится, хочет освободиться, тонет в холодной жиже. Эта дрожь становится своеобразным символом всего произведения. Многие комплексы и боли Ахлимана связаны именно с ощущением холода, с дрожью. Но и сейчас, в могиле продолжается его противостояние, внутренняя борьба добра со злом. Поэтому все его путанные воспоминания, бессвязные мысли обращаются то к совершенным им добрым делам, то к злым. К примеру, обращение Ахлимана к Аллаху, воспоминания о старике, пьющем чай перед домом – «Появление Лунной девушки», шепот стихов – все это вместе взятое – память о добром, т.е. воспоминания Ормузда. Но спина, исполосованная ударами плети, голова, облитая ледяной водой, Закир, надевший халат, ожоги на женском теле – это все ассоциируется

со злом, т.е. с тем, о чем вспоминает Ахриман. Эти прерывистые воспоминания описываются писателем и в последующих главах; по мере их прочтения понимаешь, почему в могиле всплывают именно они. В начале произведения автор лишь намекает на причины, повлекшие за собой «смерть» героя, – то, что возбуждает интерес читателя. Как умер этот человек? Кто столкнул его с высоты? Ответы на эти вопросы в последующих главах, которые с нетерпением хочется прочесть. Но прежде необходимо обратить внимание на художественный прием писателя, на то, как автор описывает сумрачную атмосферу могилы: «Кромешная тьма»... Но это совсем не то, когда за опущенными веками беспорядочно мельтешат розовые, желтые и зеленые кружочки. Это была тьма при открытых глазах!

В конце главы герой говорит: «Закрываю глаза. Вижу мельтешащие желтые, розовые, зеленые кружочки...»

Разве возможно красочнее описать вскрытие могилы, дневной свет, ударивший в глаза Ахлимана... По словам самого писателя, герой высвободился из оков кромешного мрака. Могилу вскрыли. Но почему? Кому и зачем понадобилось беспокоить «покойника»? В конце главы писатель дает короткую авторскую справку об этом событии и избавляет читателя от подробностей. Обстоятельства, приведшие к вскрытию могилы, и намерения сделавших это людей не имеют никакого отношения к общему развитию событий произведения и к основной его идее. Главное – это сам Ахлиман и его характер.

Глава за главой, событие за событием – писатель последовательно раскрывает причины, с самого детства толкавшие этого человека с дурными наклонностями к наведению порчи и сглаза, к причинению боли и страданий окружающим.

Понятия о Добре и Зле должны формироваться в детстве. И зарождается добро именно тогда, когда на свет появляется ребенок. Воспитывая его, объясняя простые, повседневные правила поведения, мы закладываем азы морального кодекса его, а в результате, возможно, целого поколения. В дальнейшем на формирование этой системы ценностных координат, то есть различие добра и зла, будут оказывать влияние детские сад, школа, вуз, но первоначальные основы личности закладываются именно в семье. Так полагает писатель.

Уже во второй главе повести под названием «Дурной глаз» писатель, исследуя детство Ахлимана, показывает причины, способствовавшие появлению в его сердце ненависти к окружающим. Это Насиб, избалованный сын зажиточного соседа, ежедневно глумившийся над Ахлиманом, обливая его холодной водой, вечно пьяный отец, избивавший и свою жену, и сына ремнем, нищета... Тогда в сердце Ахлимана и поселилась злоба. Считается, что глаза – это зеркало души. А по-моему, глаза лишь возможность выявить скрытую внутреннюю злобу и грязь. Впрочем, если более детально рассматривать описанные события, то возникает понимание, что вполне возможен и другой результат пережитых событий. То есть мучения, страдания и горе могут закалить человека, сделать его мудрым и добрым. Однако в данном случае мучения героя, несправедливость, с которой ему пришлось столкнуться в жизни, хоть и не сделали его плохим человеком, но создали «питательную почву» для проявления в нем темных сторон личности. Другими словами, склонность к демонизму в Ахлимане присутствует, но она объяснима, потому что была та самая «почва». И в этом, как мне кажется, лежит основная причина обращения автора то к прошлому – к детству героя, то к сегодняшнему дню – к жизни после возвращения из могилы, то к его подростковому возрасту, то к будущему. Писатель ищет ответы на вопросы в прошлом, настоящем и будущем Ахлимана. Скажем, если в детстве главными причинами для появления комплексов послужили отцовский ремень и ледяная вода Насиба, то в подростковом возрасте это относится к связям с непристойными женщинами. И все это постепенно приводит к унижению

Ахлимана, травмирует его на каждом жизненном этапе. А месть униженного человека страшна... И если к этому прибавить врожденную способность убивать, наводить порчу... С этим необходимо бороться, и с этим злом борется сам герой, вернее, его второе «я». Поэтому неслучайно стремление Ахлимана исследовать вопросы о порче и сглазе научными методами, защитить диссертацию по теме оккультизма. Ведь на самом деле Ахлиман ищет решение личной проблемы, ищет выход из положения, в котором он оказался. Это страстное желание особенно отчетливо ощущается в главе «Исчезнувший гараж». Вполне вероятно, что разговоры трясущегося от страха дворника Дадаша со своей женой о мышах, о спрятанной в гараже аппаратуре были неслучайными. Ахлиман пытается извлечь из негативной энергии, из порчи «лечебный эффект», для чего и проводит опыты с мышами. Но стоит лишь кому-то узнать об этом, то в Ахлимане просыпается и делает свое черное дело демон...

В целом, можно сказать, что подобные необычные люди, мистические герои характерны для творчества Анара. К примеру, в рассказе «Я, Ты, Он и телефон» герой ревнует к женщине... себя самого, в самом себе видя соперника.

Или же образ студента из повести «Контакт», столкнувшегося в реальности с вымышленными или мистическими событиями и обстоятельствами, или герой из «Красного лимузина», который никак не может избавиться от призрака смерти...

Анализируя произведения Анара, нельзя не признать в них присутствие фантастики и сюрреалистических элементов, потому что на некоторые вопросы невозможно ответить логически или простым описанием реальности. К примеру, как можно объяснить встречу Ахлимана с Дири Баба, или же посещение Асхаби Кяхф? Только сквозь призму сюрреализма.

Нельзя не отметить еще одно достоинство произведения – это цельность характеров, созданных писателем образов. Даже эпизодические, казалось бы, незначительные герои выписаны ярко, сочно, и каждый из них влияет на текущие события. К примеру, могильщик Насруллах. Воскрешение покойника его несколько не удивляет. Не проронив ни слова, он спокойно снимает свою одежду и передает «ожившему». Свою необычную, трудную работу он считает совершенно нормальной, рядовой. Среди могил он и ест, и выпивает. В созданном в этой главе образе Насруллы писатель демонстрирует очень интересную сторону человеческой психологии: по мере приобретения жизненного опыта человек вырабатывает своего рода эмоциональный иммунитет, оберегающий его от душевных травм и сильных потрясений, как то: вскрытие могил, похищение трупов, «воскрешение» покойника... Для Насруллы все это – заурядные события.

Вот еще один психологический этюд Анара: «пребывание» Ахлимана в могиле причинило ему большую боль и мучения, чем избиения отцовской плетью в детстве.

И, как мне кажется, писатель, вернув его в мир живых, не случайно еще раз ставит его под удар, столкнув с предательством Закира.

Казалось бы, вырвавшийся из цепких объятий смерти, вернувшийся к жизни человек получает шанс по-иному взглянуть на жизнь, научиться ее ценить, изменить характер – короче говоря, благодаря предоставленному ему Аллахом шансу в нем могло бы пробудиться Добро – Ормузд. Но поведение студента, пришедшего в дом своего учителя Ахлимана, умершего всего три дня назад, с намерением прибрать к рукам его научные исследования и к тому же овладеть женщиной, к которой покойный испытывал глубокую симпатию, породило в Ахлимане демона.

А самое скверное то, что на головы людей, вызвавших в Ахлимане ярость, сыплются бедствия: кто-то погибает в аварии, кого-то арестовывают, то есть всех их, рано или поздно, настигает несчастье. Спрятаться от его сглаза невозможно.

При встрече Ахлимана с Живым Дедом тот говорит ему:

«Человек сам созидает себя, захочет – станет подобным Ормузду, а захочет – уподобится Ахриману. Они оба присутствуют в каждом человеке – и Ормузд, и Ахриман».

Состоялась ли в реальности эта встреча либо все это было плодом воображения героя – автор на этот вопрос не отвечает. По моему мнению, изучающий различные философские течения, религии, ведущий исследования в этих областях и в то же время неспособный противостоять и бороться со своими собственными противоречиями Ахлиман встречается сам с собой. Все эти жаркие споры разгораются в нем самом, так же, как и борьба Ахримана с Ормуздом... В «Карме» из двенадцатой главы именно Ормуздом даются ответы на эти вопросы. Здесь Ахлиман говорит о добре, начинает разговор о прочитанных книгах, об индийской философии, о карме, дзен-буддизме, экзистенциализме, указывает пути спасения от горя и страданий и в конце дает читателю маленькую надежду. Он сообщает, что совсем скоро будет найден путь для защиты от «дурного глаза», т.е. от Ахримана...

...И вот, словно по велению Всевышнего, приходит Айдан! Айдан пришла как спасение Ахлимана в борьбе с находящимися внутри него злом, для победы добра... Очень эффектная сцена появления в комнате Ахлимана страдающей сомнамбулизмом молодой красивой девушки. Вообще говоря, глава «Айдан», больше напоминающая стихи, особенно выделяется среди всех остальных частей произведения своим изяществом, утонченностью, гармонией и поэтикой. Если вначале Ахлиман «ничего не ожидал от женщин, с которыми вступал в связь: ни любви, ни ласки, ни доверия», то теперь все было иначе. Если раньше он презирал слабый пол, то сейчас все изменилось. Но в чем причина такой перемены: любовь? Разве возможно влюбиться в женщину с закрытыми глазами, пришедшую к нему во сне? Но если это не влюбленность, тогда почему он столько колебался, вступать или не вступать с ней в связь, чего боялся, в чем причина его смятения? Думаю, в этой главе Анар осуществил свой замысел, достиг цели, совершенно точно показав противоречия, внутренние страхи и беспомощность героя. Ахлиман боится себя, своего собственного сглаза, боится дремлющего в нем демона. Это маленькое чудо – он боялся убить Айдан этим, страшился себя самого, того, что не сможет преодолеть свое внутреннее эго! И его страхи были не напрасны...

После прихода Айдан в жизни Ахлимана происходит еще одно важное, решающее событие. Он встречается с человеком со шрамом, от которого получает задание. По сути дела, здесь писатель в последний раз ставит лицом к лицу Ахримана и Ормузда. Спасти или убить ученого, обладателя древнего ковра?! Спасение ученого станет победой Ормузда, а его смерть – Ахримана... Когда происходит перелом, решающее столкновение характеров и обстоятельств, произведение достигает своей кульминации, момента наивысшего напряжения в развитии действия. Здесь писатель применяет особый прием, заставляет героя дважды пережить одно и то же событие: в первом случае как Ахриман, а во втором – как Ормузд... В первом случае женщина, потерявшая ребенка, увидев Ахлимана, называет его «убийцей», а во втором она просто молчит.

Настоящая борьба начинается после этого. В главе «С глазу на глаз» писатель сводит Ахримана с Ормуздом. Здесь Ахриман говорит о важности уничтожения истории и владельца ковра. Конечно, вся эта история – плод фантазии писателя. Автор довольно убедительно описывает исторические события, называет имена, что определенно усиливает это впечатление. В какой-то момент кажется, что герой сообщает реальные факты: спор Ахримана с Ормуздом, доказательства, приводимые каждой из сторон. Ормузд говорит: «Кровь кровью смывается», а Ахриман в ответ приводит высказывание Ветхого Завета: «Око за око, зуб за зуб». Кто же из них одержит победу?

...Признаться, отставив в сторону всю философскую подоплеку борьбы Добра со Злом и глядя на Ахлимана просто как на человека, понимаю, что у него нет другого выхода, кроме как умереть. Такой выход подсказывает напряжение, с которым живет герой, его врожденные качества, способность неосознанно причинять окружающим боль, приносить смерть. Жить, осознавая это, невозможно. После убийства Лунной девушки, единственного спасителя, ниспосланного ему Всевышним, у него не осталось ни одной причины жить. Его труп распластался на асфальте рядом с Айдан...

В произведении Анара мы можем найти ответы даже на те вопросы, о которых никогда не задумывались и себе не задавали. В этом смысле повесть «Гез мунджугу» предоставляет нам широкие возможности для того, чтобы многое понять, осознать и сделать выводы.

Я пишу эти строки и как читатель, и как исследователь творчества писателя, не исключая, что и в ближайшем, и в отдаленном будущем читатели, критики и исследователи выразят иные мысли по поводу этого произведения. А это показатель настоящей литературы, литературы, способной порождать полемику...

ПЯРВИН

Перевод Эльмара ШЕЙХЗАДЕ

АНАР

АМУЛЕТ ОТ СГЛАЗА
(Повесть)

«Если Бог отнимет у вас уши и глаза,
и запечатает вам сердце,
то никто, кроме Бога,
не сможет вернуть
вам их обратно».

Священный Коран, сура Аль-Анам, 46

Гораций, много в мире есть того,
Что вашей философии не снилось.

У.Шекспир, «Гамлет»
(Перевод Б.Пастернака)

«Бог создал нас для того,
чтобы через нас
постигалась Истина».

Джалаладдин Руми

«Человек, отвергающий чудо,
тем самым отрекается от Бога,
так как в чуде он нуждается
больше, чем в Боге.
Не умея жить без чуда,
он сам выдумывает чудеса,
и тянется к чуду, тайне,
предсказаниям».

Ф.М.Достоевский,
русский писатель

«Искусство дано нам для того,
чтобы Истина не уничтожила нас».

Фридрих Ницше,
немецкий философ

ГЛАВА 1

Третий день после моих похорон

Земля вмиг обледенела,
Инеем звонким звеня...
Омыв моё брренное тело,
Опустили в могилу меня.

В пять пядей моё одеянье,
Лежу в окруженье камней...
Достался червям в поеданье
Безжизненной плотью своей.

Юнус Имре

Человек – всего лишь тростник,
слабейшее из творений природы, но он –
тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не
надо всей Вселенной: достаточно

дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже
его уничтожит Вселенная, человек всё равно
возвышеннее, чем она, ибо он сознаёт, что расстанется
с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не
знает о своем превосходстве».

Блез Паскаль, французский философ

«Смерть – общее счастье всего человечества.
Ждёт ли нас на том свете вечное счастье? Ответ на
данный вопрос приводит нас к бездне, преодолеть
которую наше сознание не способно».

Сёрен Кьеркегор, датский философ

Боль... ужасная, нестерпимая боль... словно прижигают каждую частицу моего тела, моего
лица. Так и хочется кричать от боли... но у меня пропал голос.

Боль... тьма... Кромешная тьма. Не видно ни зги. Мои глаза ничего не видят. Глаза
закрыты...

Боль... ужасная, нестерпимая боль... Память постепенно проясняется... Вершина.
Высоченная вершина. Пик горы? Нет, не то... Передо мной бездонная пропасть... Я лечу...

С крыши высокого здания... Передо мной пропасть... Лечу...

Кто-то подкрадывается сзади... Кладёт одну руку мне на плечо, другую – на пояс... Сильный толчок. Лечу...

Дно пропасти – улица. Здания стоят вверх тормашками... Одна тысячная часть доля секунды... Удар! Внутри меня что-то рассыпается... Лицо размазано по горячему асфальту, сплющено как блин. Нос проваливается внутрь промеж щёк.

Боль... ужасная, нестерпимая боль... В голове гремит гром.

Затем... пустота...

... ни боли, ни света, ни тьмы... тишина, безмолвие...

Теперь ощущалась не боль, а её осознание. Некогда испытанная, осознанная боль, запечатлевшаяся в памяти.

Он открыл глаза, с трудом, словно тяжёлый груз, подняв веки... Не видно ни зги... Это не тьма, царящая в зажмуренных глазах с разбегающимися розовыми, жёлтыми, зелёными кругами, – это тьма открытых глаз. Тьма, поглотившая весь мир... Нигде не видно ни лучика света. Кромешная тьма, сквозь которую глазам не суждено разглядеть что-либо, когда-либо...

Сколько ни смотри, даже контуры предметов вокруг невозможно разглядеть. Хотя вокруг нет никаких предметов. Вокруг нет даже пространства. Он словно находился в тесном, тёмном мешке.

Тьма материнского чрева... тьма времени, без единого понятия о разноцветье внешнего мира. Или же тьма врождённой слепоты, несмотря на появление на свет.

Эта тьма внезапно рухнула на него, обволокла его тело вместе с нестерпимой болью, и хотя боль уже утихла, его мучило осознание того короткого мгновения...

Боль возвращала ему сознание – оно восстанавливалось постепенно, миг за мигом, капля за каплей...

Так кто же столкнул его с этой высоты? После молниеносного полёта внутри него произошёл мгновенный взрыв, словно рассыпались все внутренности. А что за вода, которая текла ему на голову, будто из душа? «Душ» по-турецки – сон... У нас некоторые называют душ «чилек», то есть разбрызгиватель. Но эта вода не разбрызгивалась, хоть и не лила как из ведра, не хлестала, подобно ливню, про который в народе говорят: «Схватись за струю – поднимешься на небо». На него словно вылили полный таз воды, он обмок до ниточки; тело дрожало от холода, покрывшись гусиной кожей. Тело... О нём сочинены многочисленные «вуджуднаме» – стихосложения, описывающие человека с момента появления на свет вплоть до последнего мгновения жизни, включая даже посмертное состояние в могиле... Кто-то из философов утверждал, что в момент смерти – пусть даже мгновенной – каждый человек вспоминает всю свою прожитую жизнь, вплоть до самых мелких подробностей...

Неожиданно в его памяти всплыл человек со шрамом... Шум игры в нарды, стук шашек по доске, зернистый звук брошенных костей, шестёрка с четвёркой, пара троек, пара пятёрок; пара пятёрок запомнилась ему лучше остальных. Пожилой учёный... пылает огнём... дабы потушить огонь, заворачивается в ковёр; полыхает и ковёр... Округлившись глаза Закира, надевшего мой халат в красную полоску, круги от банок на голой женской спине... Женские колени, белевшие в тёмном салоне... Кто эта женщина? Ангел смерти?

Смерть такова... А как же та вершина, полёт, осознание боли?.. Знакомые лица... Как же он помнит всё это, если уже мёртв? Может, это и есть потусторонний мир?.. Что такое смерть – вечный Конец, или начало другой жизни?

Больше всего его тяготила теснота... Он пытался двигать конечностями, но все тело было сковано... В сознании всплыло одно воспоминание. В Египте он ползал по тесному тоннелю,

ведущему к храмам и пирамидам... Внезапно сжалось сердце, он попытался встать, но подняться в тесном трубчатом тоннеле было невозможно: и впереди, и сзади ползали такие же, как он, туристы... не было возможности протиснуться ни вперёд, ни назад; он не мог даже поднять голову – чувствовал, что вот-вот задохнётся, сердце не выдержит, разорвется...

Но сердце не разорвалось. Теперь он испытывал те же ощущения. Но был он крохотным, мог бы поместиться в ладони... тело, руки, ноги касались влажных, рыхлых стен. Он лежал в жиже из крови и какой-то жидкой субстанции. Сквозь тьму и тишину издали слышался ритмичный звук, напоминающий перестук колёс поезда... В его душе тоже что-то застучало, синхронно вторя этим звукам...

Что-то текло ему внутрь из брюшной полости... Истощённый крик... Кричала женщина... Она тонула... Какая-то невидимая сила тянула её под воду.

Много лет спустя его так же потянуло с вершины к смерти – а теперь его тянуло к жизни... Под воздействием чьей-то – не своей – боли, стонов, воплей и неразборчивых слов, он был прикован к тесному тоннелю и, задыхаясь в нём, пытался освободиться...

Каждая такая попытка, каждый его стон приближал к свету... очередная попытка, очередной стон... Внезапно он почувствовал свободу, его охватил озноб, и в тот же миг он громко закричал.

Он где-то читал, что Заратустра был единственным человеком в этом мире, который при появлении на свет не плакал, а смеялся.

А зачем ему плакать? Сквозь боли, страдания и потуги той, что была с ним одной плоти и крови, он покинул её тёмное чрево и появился на этот прекрасный свет.

Появился на свет... Кто-то из философов говорил, что человек появляется на свет в тишине. Как он появился на свет, так и должен был его покинуть – мгновенно улетев. Распластавшись на земле и запечатлев свою жизнь на ней, ему предстояло теперь уйти в неё, смешаться с ней. Но этого он не осознавал. Его сознание погасло в том ужасном полёте, вместе с жуткой, нестерпимой болью... И естественно, теперь он должен был лежать под землёй.

Теперь он должен был находиться в царстве мёртвых. Но почему тогда в его память проникали различные мысли, заполонив его сознание разнообразными явлениями, звуками, ощущениями?

Всю свою сознательную жизнь он был материалистом, и никогда не верил в существование жизни после смерти. Возможно, он ошибался. Может быть, жизнь колеблется между реальностью и смертью, туда-сюда, туда-сюда, качается, как маятник часов? Туда – понятно. А сюда? А что если маятник возвращается от смерти к жизни? Что тогда?

Вот он – потусторонний мир: тесное, влажное, холодное помещение, покрытое плесенью, где царит абсолютная тишина...

Лежу неподвижно, конечности скованы. Вот-вот явятся инкир с минкиром¹, и давай допрашивать меня с пристрастием... Оказывается, мертвецы тоже способны шутить. Я ведь точно осознаю, что я умер – значит, я действительно мёртв?

От мысли, внезапно возникшей, вспыхнувшей, ударившей, словно электрический ток, я вздрогнул: нет, я не умер.

Я жив... Меня заживо замуровали, закопали в землю, и теперь каким-то чудом я очнулся от смертельного сна... Руки и ноги скованы, всё моё тело завернуто в тесный саван... Значит, меня

---

¹ Инкир и минкир – по религиозному преданию, два ангела, допрашивающие мертвеца в могиле.

похоронили как покойника, засыпали землёй, а могилу обставили тяжёлыми каменными глыбами...

От одной этой мысли могло остановиться сердце. Хотя... Пришла мысль, что это было бы единственным выходом из безысходности. Делать нечего – даже освободившись из савана, было невозможно сбросить землю, а с неё – тяжёлые камни, и разрыв собственную могилу, восстать из неё, «воскреснуть»...

Единственный выход (ничего себе, выход!) – лежать, стиснув зубы, ожидая истинную смерть... Знать бы, насколько хватит воздуха в могиле...

Интересно, как давно меня похоронили? Судя по тому, что я всё ещё дышу, совсем недавно. Значит, я буду мучиться и задыхаться от нехватки воздуха, пока не наступит настоящая смерть. Могильные черви продырявят саван и сожрут моё тело... Господи, в чём же я провинился? В том, что не верил в Тебя? Ей-богу, в глубине души я всегда верил в Тебя, однако, условия были таковы, что я был вынужден скрывать эту веру.

Ну вот, теперь ты уповаешь на Бога, от которого отрекался всю свою жизнь... Бог велик! И уповать надо только на Бога – и больше ни на кого.

Отныне меня может спасти только Чудо, имя которому – Бог. Нет, глупости – вполне возможно, что именно Бог и наказал меня. Разумеется, если Он действительно существует. Значит, ты всё ещё сомневаешься в Его существовании? Именно поэтому ты и наказан. Нет, да простит меня Бог, ведь Он не меркантилен, Он же знает, что верил я в Него, или нет, всю свою жизнь я прожил праведно, никому ничего плохого не делал, старался жить по совести.

Это тебе так кажется. Это твоя личная оценка своих поступков – возможно, то, что я считал Добротой, для кого-то было Злом.

Если Бог существует, значит, существует и потусторонний мир. Значит, тебе остаётся только ждать – вытерпеть всяческие мучения и ожидать Смерти как своё Спасение. Ждать истинную Смерть, после которой начнётся совершенно другая жизнь, и именно в ней ты найдёшь ответ на все безответные вопросы. Именно в ней наступит месть за все несправедливости, допущенные в нынешнем мире.

Внезапно в памяти всплыло слово КАРМА... Что такое карма, из какого языка это слово? Он никак не мог вспомнить источник, значение этого слова, которое казалось ему столь родным. Пытался вспомнить книги, прочитанные им на эту тему. Во всяком случае, сейчас это было не самым худшим занятием, чтобы убить время, да и в его нынешнем состоянии служило бы некоторым утешением.

Жизнь после смерти... Жить заново... Другой жизнью... В другом мире...

Я вспомнил некогда поразившие меня слова из книги Даниила Андреева¹... Он пишет, что в последний раз он умер триста лет тому назад – в стране с древней и богатой культурой. В нынешней жизни Даниил чуть ли не с пелёнок тосковал по своей бывшей родине, так как по его словам, он жил в той стране не единожды, а по нескольку раз. Умирал там, рождался заново...

Возможно, это действительно так. Ведь я помню – ещё Мовлана² говорил, что самое глупое и гнусное выражение невежества – это отрицание потустороннего мира.

Он вспомнил известную легенду суфиев. Горящая свеча привлекает мотылька. Мотылёк бросается в огонь и сгорает. Все ждут, когда мотылёк воскреснет и расскажет всё, что видел.

---

¹ Даниил Андреев – автор книги «Роза мира», сын известного русского писателя Леонида Андреева. Даниил Андреев стал жертвой сталинских репрессий.

² Мовлана Джалаладдин Руми (1207-1273) – известный восточный поэт и мыслитель, представитель пантеизма.

Однако он бесследно исчезает в огне и не возвращается, так как навечно воссоединяется со своей Любовью.

Он испытывал любовь к Богу; по философии суфиев, смерть – это воссоединение с Богом.

Ты действительно не знаешь, в чём твоя основная вина? Нет, не в твоём неверии и даже не в отрицании Бога. А в том, что ты возомнил себя Богом. Ты, обуянный гордыней, стремился совершать деяния, присущие лишь Богу, а никак не потомку Адама. И неважно, для чего ты это делал – во имя Добра, или Зла... Приятный летний день. Одна из старых, узких, ухабистых улиц Баку... Тротуар возле одноэтажного дома. Мужчина с лысой макушкой и проседью на висках, в сетчатой майке, сквозь которую виднеется его мохнатая грудь, поливает тротуар (с нагретого солнцем асфальта исходит пар)... На табуретке, накрытой газетой, стоит грушевидный стакан с чаем... Аромат имбиря, гвоздики, лимона... Макнув в чай кусок сахара, он положил его в рот и глотнул чаю...

Отчего же я вспомнил об этом? Кто был этот мужчина, кем он мне приходился? Никем... Рано утром, вернувшись на электричке из Бузовны¹ в город, я шёл домой и во дворе увидел его, этого мужчину. Он не был мне знаком, я видел его впервые. Но ни с того, ни с сего, эта сцена навечно запечатлелась в моей памяти.

Может, я жалел об этом? О том, что не я поливал тротуар возле своего дома, не я пил чай с лимоном, имбирём и гвоздикой из грушевидного стакана, стоящего на покрытой газетой табуретке?

Такой ароматный чай он пил не раз, но жить этой простой жизнью он не стал, попросту не мог; спокойная и беспечная жизнь, полная мелких радостей, его не удовлетворяла. Он превратил свою жизнь в заложницу бесконечных амбиций.

Говорят, перед смертью... Кто говорит? Разве кому-то удалось, умерев, воскреснуть и рассказать про увиденное? Он вспомнил сгоревшего мотылька... Да, говорят, перед смертью у человека случается прозрение, меняется обычное представление о времени, и в одно мгновение перед глазами человека, подобно киноленте на частых оборотах, прокручивается вся прожитая жизнь.

Понятие «третьего глаза» имеется и в древних индийских преданиях – он когда-то читал об этом в книге. Индийский бог Шива, открыв третий глаз, одним лишь взглядом испепелил своего врага.

Спина ныла от ударов хлыста. Болело всё тело. Хотелось поскорее избавиться от этих воспоминаний. Мокрое тело дрожало от холода. Хотелось бежать... быстрее убежать и избавиться от этих ощущений.

... Под вечер я ехал к морю в машине с откидным верхом. Облака баклажанового цвета... Утомительная тоска чуждого абшеронского вечера. Ветер хлестал моё лицо русыми волосами девушки с грустными глазами, сидящей рядом со мной – я чувствовал на губах прикосновение её волос... Моё самое большое желание... лишь бы эта дорога никогда не кончалась, лишь бы море отдалялось всё дальше и дальше, лишь бы вечер наступил как можно позже...

Внезапно я вспомнил чьи-то строки: Под занавес долгой жизни, в момент безнадёжности... Это чувство радости возникло столь внезапно...

Моросило... Капли дождя кололи мне лоб и щёки, словно иголки, но эти тёплые капли дарили приятные ощущения... Тёплый дождь? Разве бывает тёплый дождь?

---

¹ Бузовна – пригород Баку, посёлок на Абшеронском полуострове.

Ночь наступила внезапно. Появилась Луна – полная, яркая, отраженная морем, и даже хромой ветер – разве бывает хромой ветер? – был скован и беспомощен от её притягательной силы ... Затем Луна скрылась за облаками... С исчезновением лунного света исчезла и девушка с русыми волосами...

Девушка Луны, Лунная Девушка... Сомнамбула. Кажется, так называется итальянская опера... Кто же автор – Россини, Беллини, Доницетти? Лунный человек – сомнамбула – по-русски называется лунатиком.

Господи, что за мучения? Убиваешь – так убей же, в конце концов! Даже узник, приговорённый к смерти, ожидая день казни, не задыхается в камере от нехватки воздуха. «Живой труп». Толстой. Воскрешение мертвецов. Шейх Насруллах¹. Мирза Джалил... Смесь и чехарда мыслей в моём сознании... Что делать? Что делать! Ленин... Чернышевский... «Нашёл время вспоминать про хну!»² Узеир-бек... Мешади Ибад. Как хочется хоть чем-то занять мысли, чтобы окончательно не сойти с ума!

А может, сойти с ума – это и есть Спасение?!

Одурманенное сознание, отсутствие ощущений... Может ли человек сойти с ума добровольно? Может, лучше затаить дыхание, не дышать, чтобы приблизить смерть (ничего умнее в голову не приходит)?

На некоторое время он затаил дыхание, но немного спустя, волей-неволей вздохнул, отдышался.

Интересно, почему в этой тесной могиле он то и дело вспоминает про прочитанные книги индийских философов? Брахма, создавший мир, был рождён в яичной скорлупе, но силой мысли ему удалось разбить скорлупу на две части; одна её половина превратилась в небо, а другая – в землю. Привлекательность этой легенды заключалась в её намерении доказать, что что-то можно изменить, преодолеть силой мысли. Может, действительно он мог бы спастись силой мысли, силой ума? Но как? Нет, человек не в силах сделать это. Вся надежда на Бога.

Господи, прости и помилуй... или спаси, или убей окончательно! Надежды на спасение никакой – если всё же случится чудо, и мне удастся выбраться отсюда, обещаю покорно служить тебе всю жизнь!

Ему вновь вспомнились некогда прочитанные книги. Он вспомнил учение Будды, словно кто-то диктовал ему слово в слово. Будда говорит: «Не умоляйте Бога. Не упуйте на тишину – она не способна ни говорить, ни слушать.»

Постой-ка... Кажется, Бог услышал мою мольбу... Дышать становится всё труднее, задыхаюсь. Скоро Конец. Конец? Кстати, как звали ту Лунную девушку? Вряд ли сейчас вспомню...

Потерпи немного. Это единственное, что ты можешь сделать. Сколько ни копошись в саване, пытаюсь освободиться, – всё тщетно. Может, Бог помилует тебя, ускорит твою смерть...

А может... Может, это сон? Страшный, кошмарный сон... Галлюцинация. Как говорил Деде Горгуд, сон – это маленькая смерть...

Так сон, или смерть? Закрываю глаза. Перед глазами разбегаются розовые, жёлтые, зелёные круги – в больших кругах появляются мелкие круги, кружки, кружочки и медленно тают,

---

¹ Шейх Насруллах – имя отрицательного героя, мошенника, обещавшего воскресить мёртвых в пьесе известного азербайджанского драматурга Джалила Мамедгулузаде «Мертвецы».

² «Нашёл время вспоминать про хну!» – известный афоризм, цитата из речи Мешади Ибада – главного героя оперетты известного азербайджанского композитора и литератора Узеира Гаджибекова «Не та, так эта». Употребляется, когда человек совершенно некстати вспоминает о чём-то, не имеющем никакого отношения к сложившейся ситуации.

исчезают. Может, это дальние планеты? Может, я лечу туда? Лечу. Может... Мож...

ГЛАВА 2

Сглаз

«Нередко сглаз оказывает на людей отрицательное влияние».

Авиценна «О природе»

«Сила воображения отражается, в основном, в глазах, благодаря их особой чувствительности. Дурной глаз впитывается также в окружающий воздух, и вредит здоровым людям, на которых он глядит. Когда дурной глаз смотрит в зеркало, оно тускнеет».

Я.Шпренгер, Г. Инститорис, христианские монахи XV века

Холодный ветер пронизывал до мозга костей, буквально срывая с него латанный, изношенный пиджак с оторванными пуговицами. От ворот до дверей их дома было двадцать шагов – это расстояние он измерял не раз. Ветер дул ему в спину, и от этого он мог преодолеть этот путь в двадцать шагов гораздо быстрее, чем обычно... И он преодолевал этот путь, дрожа от холода...

От ворот до дверей дома он не шагал, а бежал – причину этого не знал никто, кроме него самого, его матери и Насиба. Об этом не знал даже его отец – от него скрыли это во избежание скандалов. Возможно, это видел из окна также кто-то из соседей сверху, но не придавал этому значения, не вмешивался – а возможно, никто и не видел.

Нужно было как можно скорее дойти до дома: услышав стук в дверь, мать тут же откроет – он был уверен... Возможно, она уже открыла дверь и ждала его на пороге.

Не успев дойти до дверей всего лишь на шаг, он почувствовал, как ему на голову полилась холодная вода и намочила всю одежду, всё тело. Он вздрогнул – хотя и был привыкшим к холодной воде, ежедневно выливаемой ему на голову. Стужа, словно острая игла, колола каждую точку его шеи, спины, рук... От холодной воды в ветреную погоду по его телу побежали мурашки, как от электрического тока. Не успел он дотронуться до ручки двери, как она открылась, и мать, ожидавшая за дверью, засуетилась на пороге, впуская его домой, обняла.

– Солнышко моё, – воскликнула она, прижав к груди восьмилетнего сына, обмокшего до ниточки. – Будь прокляты все, кто так мучает моего ребёнка!

Каждый божий день, по возвращении сына домой, Манзар проклинала своих соседей сверху. Они оба – и Ахлиман, и Манзар – знали, что воду с третьего этажа выливал Насиб, сын Гасыма – руководителя какого-то учреждения.

Манзар поспешно раздела сына. Ахлиман оделся в сухую одежду, которую мать ежедневно, в одно и то же время, гладила и готовила для него, поменял нижнее бельё. До возвращения Ахада с работы оставалось ещё несколько часов, но Манзар на всякий случай спрятала мокрую одежду сына от греха подальше, чтобы ночью, после того, как все заснут, высушить и прогладить её, проклиная своих горе-соседей. А проклятия звучали всё изощрённее: «Да оплешивеют все, кто издеваются над моим ребёнком, да лишатся они всех своих ногтей!»

Ахлиман всё ещё дрожал от холода.

– Иди, сыночек, садись, сейчас согрею тебе еду!

Несколько месяцев тому назад служанка Гасыма, поливая на балконе цветы, случайно уронила лейку, и вся вода вылилась на Ахлимана, который как раз в это время проходил под балконом. Его крик услышал и Насиб, что доставило ему огромное удовольствие. Ахлиман и Насиб были одноклассниками в школе. Насиб приезжал домой на машине отца раньше Ахлимана и подстерегал возвращение Ахлимана из школы, чтобы вылить ему на голову таз воды. Вся изюминка этой затеи заключалась в том, чтобы вода вылилась не в сторону, а аккуратно на голову Ахлимана.

Вначале Ахлиман думал, что это происходит случайно, а затем стал воспринимать как неудачную, глупую шутку. Позднее он догадался, что это делается нарочно – но делать было нечего. Насиб был сильнее, крепче его, слыл забиякой, да и из-за его отца-начальника никто не смел перечить сыну. Жаловаться было некому. Никто из учителей не поверил бы Ахлиману – и даже поверив, не стал бы связываться с Насибом, во избежание неприятностей на свою голову. Насиб был общим баловнем всей школы – нередко он даже учителей отвозил на машине отца.

Единственное, чего остерегалась Манзар – лишь бы Ахад об этом не узнал. Муж был буйным – не ровен час, выпьет, избыёт этого пацана Насиба до полусмерти, плюнув на его «неприкасаемого» отца, и окажется за решёткой за хулиганство.

Насиб в школе даже придумал прозвище для Ахлимана. Он называл его Ахриманом. Мальчик где-то прочёл, что Ахриман – это Бог Зла. Даже некоторые учителя в угоду Насибу называли Ахлимана Ахриманом.

В то время их улица называлась в честь какого-то армянского революционера по имени Ара Гардашян. Но со временем таблички с указанием названий улиц устаревали, становились нечитабельными, и все называли это место улицей Арагарышдырана¹.

Узнав из единственной, видимо, прочитанной им книги о том, что кроме Бога Зла – Ахримана существовал и Бог Добра – Ормузд, Насиб говорил Ахлиману: «Вот ты – Ахриман, а я – Ормузд».

Однажды он пригласил Ахлимана в свою машину. Ахлиман отказался – хотя этих попыток с обливанием водой тогда ещё не было.

– Так мы же домой едем... Поедем вместе на машине, – настаивал Насиб.

После долгих уговоров Ахлиман сел в машину. Насиб обратился к водителю:

– Поехали в Кешля!²

– А зачем нам в Кешля? – с удивлением спросил Ахлиман.

– Увидишь!

Кешля находилась далеко от дома Ахлимана, от улицы Арагарышдырана – в другом конце города.

---

¹ Арагарышдыран – (азерб.) провокатор.

² Кешля – посёлок в Баку.

Едва доехав до Кешля, Насиб велел водителю остановиться. Выходя из машины, он обратился к Ахлиману:

– Вылезай, дело есть!

Ахлиман вышел.

– Иди за мной!

Они отошли от машины на приличное расстояние, и вдруг Насиб неожиданно побежал к машине, сел и захлопнул дверцу.

У Ахлимана в кармане не было ни гроша, и Насиб знал об этом.

Машина тронулась с места, и Ахлиман увидел в окне глупую улыбку, белеющие зубы Насиба.

Было холодно – возможно, Насиб выбрал именно такой день, для того, чтобы так жестоко поиздеваться над Ахлиманом.

Ахлиман пешком прошел через весь город. Когда же мальчик дошёл до дома, уже вечерело. Ночью у него поднялась температура. Он простудился, схватил воспаление легких. Прележал больным целых десять дней...

Со стуком открылась входная дверь, и вошёл Ахад – на нём лица не было. И сразу же начал орать:

– Есть что пожрать?

– Я сейчас яичницу приготовлю – не знала, что ты вернёшься так рано.

– Отнеси яичницу, положи на могилу своего издохшего отца! Какое твоё собачье дело, когда я возвращаюсь – рано, или поздно... – Ахад открыл шкаф. – А где водка?

– Ты же вчера всё выпил, дорогой...

– Думаешь, я не помню, сколько я вчера выпил? Меня за идиота держишь?! – заорал он и влепил жене пощёчину. – Дрянь ты этакая! Стоило мне выйти из дома, так ты сразу вылила водку в уборную, а бутылку выбросила, чтобы я не догадался!

Разумеется, он прекрасно помнил, что вчера выпил всю водку до последней капли. Вытащил из кармана мятые деньги и протянул Ахлиману:

– Ступай, купи у Садыга водку, - он сел и стал уплетать яичницу Ахлимана. – Чего ты уставился? Не беспокойся, сейчас твоя мамаша приготовит такую же гадость и для тебя! Тьфу ты, даже не посолила...

Протягивая руку к солонке, он задел тарелку, она опрокинулась, яичница шмякнулась на пол.

Ахад на этот раз дал пощёчину сыну:

– Что за дурной глаз у тебя, сукин сын! Пошёл вон отсюда!

Монтёра Ахада в тот день уволили с очередной работы из-за аварийной ситуации, допущенной им в нетрезвом состоянии. Вне себя от ярости, он искал, на ком бы отыграться, и нашёл козлов отпущения в лице членов семьи.

– В магазине в это время перерыв, - сказала Манзар, - пускай идёт через полчаса. Я сейчас вам обоим приготовлю яичницу.

– Хватит трепаться, пошла вон!

И Ахад со злостью обратился к сыну:

– Ты ещё здесь? Я кому сказал? Ступай сейчас же!

Накинув пиджак на плечи, Ахлиман вышел на улицу и невольно взглянул на балкон третьего этажа. Окна были закрыты. Знай Насиб, что Ахлиман во дворе, был бы тут как тут.

Он по привычке пробежал по двору. С обеих сторон улицы стояли мусорные баки, внутри которых кишели мыши и крысы, а посреди улицы текли сточные воды. Когда-то дети на небольшом чистом пятке во дворе играли в футбол. Но теперь из-за Насиба они были лишены и этой возможности.

Магазин был закрыт; на дверях висела табличка «Перерыв». Делать было нечего – надо было ждать полчаса: вернись он домой с пустыми руками, отец отдубасил бы его. В последний раз он избил Ахлимана три дня назад. Бил сына руками, а когда руки уставали, хлестал его кожаным ремнём. На спине Ахлимана всё ещё краснели следы от ремня.

Ветер усилился; от холода у мальчика стучали зубы. Возле ворот стояла машина, на которой Насиб приезжал в школу.

Немного спустя, появился Насиб – в тёплом пальто с меховым воротником, держась за руку водителя. Ахлиман отступил, спрятался, чтобы Насиб его не увидел. Ничего хорошего от такой встречи нельзя было ожидать, зная мерзкий характер Насиба. Он в любой ситуации мог найти повод поиздеваться над Ахлиманом.

Ахлиман смотрел на блестящую чёрную машину. Глядя на меховое пальто и шапку-ушанку Насиба, он чувствовал, как мёрзнет в своей изношенной одежке. Представив, как должно быть тепло тому в меховом пальто, в ушанке, кожаных перчатках и шерстяных брюках, Ахлиман ещё сильнее ощутил холод, задрожал.

Водитель открыл для Насиба дверь, и тот, надменно оглядываясь (дескать, видите, какой я важный), сел в машину.

Машина тронулась с места. Ахлиман смотрел на свет задних фар, тянувшийся за машиной, словно красная лента.

Внезапно выскочивший из-за угла на большой скорости грузовик, лоб в лоб столкнулся с чёрной машиной, протащил её на несколько метров и, ударив об стену, смял в гармошку. Послышался жуткий скрип покореженного металла.

Прибежали прохожие, и с большим трудом открыв изрядно помятую заднюю дверь машины, вытащили безжизненный, окровавленный труп Насиба, изуродованного до неузнаваемости.

ГЛАВА 3

Шейх Насруллах был прав

«Что вы знаете о жизни,
чтобы рассуждать о смерти?»

Конфуций

«В святой Мешхед¹ прибыл богомолец, по имени Шейх Насруллах. Он пришёл на кладбище посетить могилы усопших. Прочитав молитву, он громко

---

¹ Мешхед – город в Иране, место паломничества, где находится гробница Имама Рзы, чтимого мусульманами-шиитами.

возопил: «Вставайте, о набожные рабы Аллаха!» Услышав эти слова, покойники зашевелились, повинувшись воле Аллаха».

Дж.Мамедгулузаде, «Мертвецы»

Насруллах и Фазиль сбросили с могилы лопатами последние комья земли; теперь засыпанная могила была ниже поверхности земли всего лишь на два каменных кубика. Насруллах был могильщиком, лет ему было около пятидесяти пяти. Густую растительность на его лице можно было бы принять за бороду, но он никогда не отпускал бороды. Просто оттого, что он не брился уже несколько дней, всё его лицо и подбородок обросли седой колючей щетиной. Брови под стать щетине на лице были тоже густыми, но чёрными.

Фазиль – двадцатипятилетний водитель стоящего неподалёку грузовика, был хилым, лопоухим, курносым, худощавым парнем.

Бросив лопату на землю, Насруллах вздохнул:

– Ох, умаялся, – сказал он, – отдохнём чуток!

Вытащив из истрёпанной сумки газету, он расстелил её на земле, положив на газету два гранёных стакана и колбасу. Затем могильщик вытащил перочинный нож и начал нарезать колбасу.

– Браток, – позвал он Фазиля, – неси-ка сюда это львиное молоко!

Фазиль принёс из машины зеленоватую поллитровую бутылку водки.

– Наливай, – сказал Насруллах.

– Может, сначала закончим работу, потом выпьем, а? – спросил Фазиль.

– Нет, – ответил Насруллах. – Ты ещё молод, много не знаешь. На своём веку я выкопал бесчисленное количество могил, – он одобрительно погладил свою лысину, будто поощряя себя.

– Перед тем, как выкопать из могилы мертвеца, нужно как следует выпить.

– И много ты выкопал мертвецов, дядя? – спросил Фазиль.

– Много, очень много... Ладно, бери стакан. Да упокоит Аллах умерших, а живых одарит здоровьем. Будем здоровы!

Смеркалось.

Вытащив из кармана самокрутку, Насруллах прикурил. Затянувшись, он протянул её Фазилю.

– Возьми, затянись.

– А зачем?

– Так надо.

Фазиль затянулся:

– Анаша, что ли? – спросил он.

– А как же? Водка с анашой – это самый кайф. Ты что, не знал?

После очередной затяжки Фазиль поперхнулся.

– Дай сюда, – сказал Насруллах. – Хватит тебе...

– Успеем, дядя? – спросил Фазиль.

– Ещё как успеем. Шрам явится к девяти, у нас ещё два часа... Конечно, успеем.

– Дядя, Аллах свидетель, я всё-таки не понимаю, для чего этому...

– Шраму, – подсказал Насруллах.

– Этому Шраму понадобился труп? – закончил Фазиль.

– Ты что, из Гёйчая?¹

– А как ты догадался?

– Только гёйчайцы, когда клянутся, говорят «Аллах – свидетель». Мой сосед тоже из Гёйчая.

– У меня мама из Гёйчая, – сказал Фазиль. – А отец – бакинец.

– Живые?

– Да, слава Богу!

– Да сохранит их Аллах!

– Дядя, ты мне не ответил – зачем Шраму этот труп?

– Да Бог его знает... Да простит меня Аллах, никто, кроме самого Шрама, этого не знает.

Наливай. Ты слышал про альбиносов?

– Это кто, англичане?

– Эх ты, грамотей... Альбиносы – это те, кого мы называем белёсыми. У них всё белое – волосы, усы, борода, брови.

– И что?

– Оказывается, японские учёные доказали, что волосы и кости альбиносов обладают лечебными свойствами. Поэтому, когда альбиносы умирают, люди договариваются с их родственниками. Те сначала хоронят усопшего как положено, а затем тайком э...экс... эксгумируют тело... вот... и продают за рубеж.

Фазиль не верил своим ушам:

– Ничего себе, чего только не происходит в мире... поди разберись! Черт ногу сломит! Ты имеешь в виду, что Шрам как-то связан с японцами?

– Этого я не знаю, – Насруллах покачал головой. – Он мне не отчитывался. Просто сказал – выкопай такого-то мертвеца из могилы, и получи свои деньги. Вот и всё! А что он будет делать с ним дальше, меня не волнует.

Он поднял стакан:

– Покоиться в могиле после смерти – не так уж и легко! Давай выпьем за то, чтобы после смерти никто не вздумал раскапывать наши могилы.

– Но мы же не альбиносы.

– Не имеет значения.

Выпили.

Сумерки укутывали кладбище в грустные цвета, и на этом фоне отчётливо виднелись тёмные силуэты надгробных камней.

– Ты знаешь, что там? – спросил Насруллах, указывая в сторону, чуть ниже кладбища.

– Озеро.

– Это не просто озеро. Это кровавое озеро. А знаешь, почему это озеро называли кровавым?

– Нет, откуда мне знать?

– В тридцатые годы ГПУ расстреливало людей, и бросало их тела в это озеро.

– А что такое ГПУ? Тоже что-то японское?

– Вот ты дубина, чушка деревенская!.. Не знаешь, что такое ГПУ? НКВД слышал?

Фазиль сидел, хлопая глазами.

---

¹ Гёйчай – район Азербайджана.

– Не обижайся, браток, но ты действительно безмозглый тупица. Управление безопасности, слышал про такое? В то время оно называлось ГПУ. Чего только они не творили, ей-Богу... Когда у них заканчивались патроны, они связывали людям руки и ноги, и привязав к шее камень, заживо топили в озере.

– Да ты что?! Вай, мать вашу!..

Насруллах затыкнулся из самокрутки.

– Вот так, молодой человек, такие были времена... Мы должны радоваться, что живём в такое спокойное время...

– А ты откуда знаешь про всё это?

– Мне отец рассказывал...

– Он тоже был могильщиком?

– И отец, и дед... Все мои предки с незапамятных времён работали на этом кладбище. Мой дед даже был муллой, но в советское время с этим было небезопасно, поэтому он стал могильщиком. Хотя, иногда он тайком читал «Йа-Син»¹. У него был прекрасный голос. Наливай!

– Может, хватит? Мне ещё машину водить, труп отвозить...

– Не беспокойся, выкопаем, отвезёшь – туда, куда скажет Шрам.

– А другие трупы ты тоже выкапывал по заказу этого Шрама?

– Нет, у каждого из них был свой заказчик. Эх, браток, если я расскажу обо всём, что я видел и знаю, у тебя волосы дыбом встанут.

Опустошив стакан, он затыкнулся.

– Скажу, не поверишь – каждую пятницу вурдалаки устраивают у этого кровавого озера настоящий пир.

Фазиль был в недоумении:

– А что они делают? – спросил он.

– Пируют, танцуют, я же сказал... Причём, их музыка ничуть не похожа на нашу. Пару раз они и меня приглашали, но я не пошёл. Как-то раз я стоял в сторонке и смотрел, что они вытворяют... Это какой-то ужас, кому рассказать – не поверит! Но я не пошёл; делать, что ли, нечего? Не ровен час, ещё донесут начальству, меня вышвырнут вон...

Округлившись глаза Фазили едва не вышли из орбит, голова постепенно одурманивалась.

Одновременно, он думал о том, что время идёт, скоро явится заказчик, увидит, что работа не выполнена – и всё, не видать ему заработка, как собственных ушей. Тогда Фазиль решил проявить инициативу:

– Дядя, может, всё же вскроем могилу? – робко спросил он.

– Да куда ты торопишься? Думаешь, труп сбежит оттуда?

– Нет, нам просто нужно закончить работу до прибытия Шрама – он же сказал, чтобы мы не вскрывали могилу при нём.

– Ну ладно, будь по-твоему. Ещё по стакану, и за работу. Выпьем за мертвецов! Как-никак, это они нас кормят.

Выпили. Фазиль был уже совершенно пьян, у него косили глаза...

А Насруллах был трезв как стёклышко – словно ничего не пил, не курил. Он встал и схватился за край каменной плиты.

– Давай, хватай, – сказал он Фазилю. – Смелее, не бойся!

---

¹ «Йа-Син» – тридцать шестая сура Корана, часть похоронного обряда у мусульман.

Подняв камень с первой же попытки, они отложили его в сторону. Вытащив грязный, измятый платок, Насруллах вытер пот со лба и шеи.

– Ну, браток, раз-два, взяли!

Они подняли и второй камень, тоже отложив его в сторонку, рядом с первым.

– Выпьем ещё по пятьдесят, и выкопаем труп, – предложил Насруллах.

Усевшись спиной к вскрытой могиле, Насруллах налил оставшуюся водку в стаканы.

– Ты мне нравишься – дружелюбный, общительный, – сказал он. – Пью за твоё здоровье!

Поднеся стакан к губам, он заметил на лице Фазилья выражение ужаса. Фазиль уронил стакан, водка разлилась по расстеленной газете, промочив её насквозь.

– Что такое? – спросил Насруллах, взглянув на Фазилья.

– Оглянись...

Насруллах обернулся и взглянул на могилу.

Тело, завернутое в белый саван, дёргалось, пытаясь выбраться из могилы.

Вскочив, словно ошпаренный, Фазиль помчался к машине; споткнулся, упал в панике, но тут же встал, и кое-как добежав до машины, завёл двигатель. Грузовик тронулся с места и был таков.

Залпом допив остаток водки, Насруллах грустно улыбнулся и промолвил про себя:

– Эх, молодёжь, молодёжь... Можно подумать, парень никогда не видел воскресшего мертвеца.

ОТ АВТОРА

Выкапывание из могилы заживо погребённого, или, скажем, свежезахороненного трупа может быть связано с различными причинами. Например, участок земли, на котором вырыта могила, продан другому человеку, а этот «бесхозный» труп отвезут на катафалке и сожгут в печи.

Эта затея может быть также связана с желанием осквернителей могил извлечь здоровые органы усопшего для дальнейшей продажи, или выдернуть его золотые зубы. Или же кто-то, не справившись со своим врагом при жизни, таким образом пытается отомстить его безжизненному телу... Однако, не исключается также рассказ могильщика про альбиносов – возможно, он где-то слышал нечто подобное, но не вник в суть.

Также эта неприятная процедура может быть связана с проведением научных исследований для обнаружения в человеческом мозге «третьего глаза» – органа прозорливости.

Автор мог бы вспомнить или выдумать и прочие подобные причины, однако ни одна из этих версий не представляет особой важности для дальнейшего развития сюжета. Для автора важно проанализировать состояние заживо погребённого человека при пробуждении, ход его мыслей и умозаключений после «воскрешения», цель которых – выявить своих недоброжелателей, заживо похоронивших его.

ГЛАВА 4

Исчезнувший гараж

«...Или я не знаю, с кем говорю? То, что имею сказать тебе, всё тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может

быть, ты именно её хочешь услышать из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с Ним, вот наша тайна!»

Ф.М.Достоевский. «Братья Карамазовы»

«Если бы не нарушалась зрительная память, то не возникала бы и психологическая слепота, то есть недуг неузнаваемости увиденных объектов. Нарушение зрительной памяти приводит к психологической слепоте. Некоторые люди видят вещи внутренним зрением, но узнавать их открытым зрением они не могут».

Анри Бергсон, французский философ,
«Память и мозг»

Дворник Дадаш поспешно вошёл в дом и прямо с порога крикнул:

– Жена, быстро завари чай! Такое тебе расскажу, что волосы дыбом встанут.

Пока Кичикханым копошилась у плиты, Дадаш, не выдержав, вошёл в кухню:

– Помнишь гараж во дворе рядом с туалетом?

– А разве там есть гараж? – удивлённо спросила жена.

– Есть, рядом с туалетом, с другой стороны. Я тоже увидел его впервые – со двора его не видно.

– Ну, есть, так есть, что дальше?

– Да послушай ты... Наш сосед сверху...

– Да, и что?

– Сегодня приехал на своей машине и остановился возле гаража.

– А разве у него есть машина?

– Оказывается, есть.

– И что?

– В общем, он вышел из машины, отворил гараж. А я в это время как раз подметал тот участок. Краем глаза взглянул внутрь гаража – и что я увидел, как ты думаешь?

– А что ты увидел?...

Дадаш глотнул чаю:

– Я увидел...

– Ну что, что? Говори уже, не томи!

– Я увидел, что внутри гаража, в углу стоят различные аппараты. Таких аппаратов я нигде не видел – даже в фильмах. То ли бинокли, то ли прожекторы – увеличительные стёкла, как их там...

– Какие стёкла?

– Ну, которыми учёные пользуются...

– Микроскопы, что ли?

– Что? Ну, которыми звёзды изучают...

– Телескопы, что ли?.. Ну, и что?

– И везде висели странные зеркала – мелкие, крупные...

– Скажешь тоже!.. Зеркало – оно и в Африке зеркало.

– Да погоди ты, не перебивай, – Дадаш глотнул чаю. – Зеркала обвешаны различными амулетами от сглаза. Помнишь, когда мы купили телевизор, повесили над ним такой же амулет?

– Наверное он повесил их, чтобы уберечь от сглаза свою машину. А машина заграничная?

– Да чёрт её знает, машина как машина... очень уж я в них разбираюсь... Но это всё цветочки, а ягодки впереди.

– Ну говори уже, довольно тянуть канитель! Пока слово скажешь, всю душу вытянешь...

– Ты лучше сядь, а то упадёшь...

– ...

– Короче говоря, он вытащил из машины мешок и развязал его – из мешка высыпали штук пятьдесят мышей и вбежали в гараж.

– Да ты что? – Кичикханым действительно чуть не упала от изумления. – Что ты такое говоришь? Он что, сумасшедший?

Дадаш получал удовольствие от реакции жены.

– Представь себе... Маленькие мышки...

– И что дальше?

– Дальше я уже не видел, он быстро запер гараж.

– Послушай, – сказала Кичикханым, – можешь, сообщишь органам? А вдруг он шпион? Вздумал уничтожить нас руками этих мышей?

– Что ты такое говоришь? Где ты у мышей видела руки?

– Ну, пусть будет лапами мышей... Может, этот негодяй собирается заразить здесь всех соседей какими-то болезнями?

– И что ты предлагаешь? Что нам теперь делать? Может, ты права, и он действительно хочет отравить нас посредством этих грызунов? Иначе зачем ему столько мышей?

– К тому же, откуда он их собрал в таком количестве? Нет, ты должен обязательно сообщить об этом вышестоящим органам.

– Сегодня уже поздно, завтра я пойду, куда следует, и доложу...

Всю ночь супругам снились мыши – они ворвались через окно, заполонили весь дом и обнюхивали Дадаша с женой.

Почувствовав на щеке когти мышей (разумеется, во сне), Кичикханым с криком вскочила с постели.

– Встань поскорее, умоляю тебя! Быстро иди, сообщи куда следует – иначе с этими мышами нам житья не будет...

Поспешно одевшись, Дадаш, даже не позавтракав, вышел во двор. Как назло, во дворе ему встретился хозяин злосчастного гаража. Он так внимательно глядел на дворника, словно видел его впервые. Неожиданно хозяин гаража поспешно повернулся и ушёл, не обратив внимания на приветствие соседа.

Вспомнив, что вышел из дома не позавтракав, Дадаш вернулся обратно домой.

– Ну что, сходил? – спросила Кичикханым.

– Куда сходил?

– Ты же собирался сходить в вышестоящие органы...

– Какие органы?

– Ты же сам вчера сказал, что пойдёшь в вышестоящие органы и обо всём доложишь...

– О чём доложу? Ты что, жена, с ума сошла?

– Это ты с ума сошёл! Ты должен был пойти и сообщить о мышах...

- О каких мышах? Что ты такое говоришь?
- Ты что, издеваешься? Ты вчера явился впопыхах и сообщил, что наш сосед сверху у себя в гараже держит мышей. Мне всю ночь эти мыши снились... В кошмарном сне...
- Жена, у тебя, кажется, с головой не всё в порядке... Тебе лечиться надо!
- Это тебе лечиться надо! Это ты вчера наплёл вздор о каких-то мышах, которые высыпались из мешка...

Дадаш положил ладонь на лоб жены:

- Вроде, жара нет... Чего ты тогда бредишь?
- С ума меня решил свести? Ты же вчера говорил, что в соседском гараже...
- В каком гараже?
- Рядом с туалетом...
- А разве там есть гараж?

ГЛАВА 5

Через три дня и три часа после моих похорон

«Переходя через реку жизни, откажись от Прошлого, откажись от Будущего, откажись от того, что между ними. Если ум освобождён, то что бы ни случилось, ты не придёшь снова к рождению и старости».

Дхаммапада, буддистский
литературный памятник,
созданный в Индии
в III или IV веке до христианства

«Многочисленные источники убедили меня, что переходя из мира природы в мир духов, человек уносит с собой всё, кроме тела».

Э.Сведенборг, шведский мистик

Я метался в саване, пытаюсь освободиться, и кричал что есть мочи:

- Эй, кто-нибудь! Помогите, вытащите меня отсюда!
- Вскоре я услышал чьи-то приближающиеся шаги.
- Скорей, развяжи меня, вытащи отсюда!

Я почувствовал, что кто-то тянет меня за саван, пытается освободить меня, открывает моё лицо.

Свежее дуновение прохладного ветерка прошло по моему лицу. В темноте глаза ничего не разбирали, лишь только чувствовался запах перегара, какой бывает от дешевой водки, да еще непонятный сладковатый аромат.

- Развяжи меня, быстро!

Послышался хриплый голос:

– Потерпи, развязываю... Слушай, приятель, честно говоря, никакой ты не альбинос...

После того, как я немного освободился из савана, я чувствовал непреодолимое желание хорошенько потянуться. С другой стороны, меня изумляло то, что мой спаситель – кем бы он ни был – ничуть не удивлён моему воскрешению.

– Вытащи меня отсюда!

– Руку давай!

Он схватил меня за руку, стал вытягивать из могилы. Его рука была грубой, мозолистой, очень сильной. Последовавшие вслед за этим его слова прозвучали для такого момента и такого места, мягко говоря, странновато:

– Добро пожаловать!

– Ты кто?

– Конь в пальто... Тебе-то что?

Я заметил лежавшую в стороне лопату.

– Могильщик?

– Вроде да.

– А моё воскрешение тебя не удивило?

– А чему мне удивляться? Не ты первый, не ты последний...

Запах водки и сладковатый аромат – то ли табака, то ли махорки – при более близком общении с ним стал ощущаться ещё сильнее, и меня тошнило.

– А когда меня похоронили? – только услышав свой вопрос, я тут же осознал, насколько абсурдно он звучит.

– Кажется, в субботу, – ответил он, затем, вспомнив, уже более уверенно добавил, – да, точно, три дня тому назад.

– А как они могли похоронить живого человека?

– Ну, так случилось, бывает...

– Значит, говоришь, что я не первый, кого ты видел воскресшим?

– Да таких воскресших, как ты, пруд пруди...

Я лежал в наполовину раскрывшемся саване в чём мать родила. От смущения мне пришлось укрыться этим ненавистным саваном:

– Раздевайся, – сказал я ему.

Могильщика не удивили и эти слова. Не промолвив ни слова, он снял брюки и рубашку – раздевался настолько спокойно, словно это было в порядке вещей; будто он каждый день дарил свою одежду воскресшим мертвецам. Мои глаза постепенно привыкали к темноте.

Давно не стиранный, ситцевый рубашка задубела от многократно просохшего пота. Подошва его пыльной, грязной обуви раскрылась, и были видны острия мелких гвоздей, напоминающие оскал крокодила. Манжеты его изношенных, латанных брюк были заправлены в носки, брюки воняли мочой. Все эти запахи, смешиваясь с запахом сырости, исходящим из могилы, вызывали у меня сильную тошноту, меня едва не вывернуло наизнанку, но я кое-как взял себя в руки. Всё происходящее казалось мне кошмарным сном. Но передо мной в одних трусах стоял живой человек, от него исходило зловоние, он пах псиной, и это был не сон. Но как бы там ни было, этот человек был моим спасителем.

– Ты ещё здесь? – спросил я. – Подожди меня, через пару часов я принесу тебе новую одежду.

Он неожиданно встрепенулся:

– Нет, нет! Я сейчас же уйду отсюда. А то придёт Шрам, узнает, что ты ушёл, и тогда мне несдобровать... Ты академик? – вдруг задал он неожиданный вопрос.

– Нет.

– Профессор?

– Да нет же, с чего ты взял?

– Не знаю, с виду на учёного смахиваешь...

– Интересный ты человек, – сказал я. – Ты спас меня, я твой должник. А как мне тебя найти?

– Кто ищет, тот найдёт, – ответил могильщик. Взяв стакан, в котором осталось немного водки, он протянул его мне: – Может, выпьешь?

– Нет, ведь уже три дня, как у меня во рту ни маковой росинки. Боюсь, стошнит...

– Ну, как хочешь. Я подумал, может, выпьешь, отметишь своё второе появление на свет.

Он выпил водку до дна.

– Тьфу ты, гадость какая! – сказал он, и вскоре послышался храп.

Опустив голову на грудь, мужчина заснул. Жаль, я хотел много чего спросить у него... Внезапно храп прекратился, и могильщик, не открывая глаз, спросил:

– Уходишь?

– Да, – ответил я, – я очень благодарен тебе, ты вернул меня с того света.

Не раскрывая глаз, он начал философствовать, ни дать, ни взять – могильщик из «Гамлета»:

– Тот свет, этот свет... думаешь, такая большая разница? Там мертвецы – как живые, а здесь живые – как мертвецы.

– Прощай, – сказал я. – Возможно, мы ещё когда-нибудь увидимся, – и продолжил в его манере: – либо на этом свете, либо на том...

– Дай бог, – ответил он.

Мне казалось, когда я полетел с вершины вниз и камнем ударился оземь, мой нос сплющился, провалился меж щек, лицо стало плоским, как блин. Теперь я пощупал лицо – всё было на месте, никакой сплюсненности, никакого блина.

Шагая по узкой тропинке между могилами, я вышел во двор. Всю жизнь я прожил в Баку, но в этих местах очутился впервые. Однако, почему-то эти узкие переулки казались мне знакомыми – складывалось ощущение, будто я не только когда-то ходил по ним, но и жил тут долгое время.

ГЛАВА 6

Cherchez la femme¹

«Если человек никогда в жизни не спал с женщиной и не знаком с ощущениями от половой связи, то в эротических снах он чувствует сильное возбуждение, но не понимает, что это – желание сексуальной близости, и не имеет

---

¹ Cherchez la femme (франц.) – дословно: «ищите женщину»; в переносном смысле: «в этом деле замешана женщина».

представление о женщине, способной погасить этот пыл страсти».

Аль Газали, иранский философ,
теоретик суфизма,
цитата из книги
«Возрождение науки о веровании»

«Психологические теории Фрейда и Юнга, изучаемые на Западе, не были новостью для мистиков. Произведения шейха суфизма Аль Газали, написанные ещё 900 лет тому назад, доказывают, что выводы Фрейда о половых связях стали известны мусульманским учёным намного раньше».

Идрис Шах,
историк мистицизма, XX век,
цитата из книги «Суфизм»

Ещё со студенческих времён Ахлиман не любил общаться со сверстниками. Возможно, причиной тому служили душевные раны, полученные в средней школе. Постоянные страхи и унижения, пережитые им дома и в школе, породили у него комплекс неполноценности – он избегал людей, стал замкнутым. В студенческие годы эти черты стали еще больше доминировать в его характере. Среди однокурсников он смущался, чувствовал себя некомфортно, не в своей тарелке.

Утешением для него было изречение Мовланы, который говорил, что наука познаётся посредством слов, искусство – посредством души, а одиночество ощущается в присутствии людей.

Среди своих товарищей, любящих веселиться, смеяться и шутить, он создавал впечатление хмурого затворника. А общения с однокурсницами он и вовсе избегал. Порой его серьёзно раздражали смелые весельчаки, позволявшие себе рискованные шутки с девушками. Словесные флирты, нередко выходившие за рамки приличия (возможно, за этими словесными флиртами скрывались страстные заигрывания), вызывали у Ахлимана даже депрессию и отчаяние. Его однокурсники нелестно отзывались о девушках, выставляя их в дурном свете. Некоторые из ребят сплетничали о близких отношениях знакомой всем девушки с каким-то парнем или даже с пожилым мужчиной, другие с пеной у рта, взяв хвастались своими интимными связями с женщинами. Ахлиману претили подобные разговоры, но он был вынужден слушать их, не затыкать же ему было уши. Юноши не только обсуждали своих однокурсниц, но и довольно вольно разглагольствовали на тему сексуальных достоинств студенток старших курсов и даже молодых преподавательниц. Поведение девушек в постели излагались с мельчайшими и самыми красочными подробностями. Размеры интимных частей тела знакомых женщин, моменты её экстаза и оргазма, эрогенные зоны, количество сексуальных партнёров – всё это было основной темой нескончаемых разговоров в студенческой среде. И каждый из этих невоздержанных на язык юнцов выставлял себя в роли героя-любовника, полового гиганта – количество ночей и совокуплений со страстными любовницами выражалось фантастическими числами. О невразумительности и фантастичности этих показателей Ахлиман узнает только в далёком будущем, но до того момента его сексуальный опыт был равен нулю, все эти юношеские байки

казались ему чистой правдой и он жалел о том, что обделён такими способностями. Из этих разговоров он узнавал, что в моменты интимной близости некоторые женщины стонут, иные пыхтят, потеют, бывает декламируют стихи или поют песни, а иной раз – кричат так громко, что хоть уши затыкай. С возрастом некоторые женщины становятся ненасытными в сексе, требуют все больше и больше соитий. И каждый из этих болтливых юнцов считал себя более опытным Дон Жуаном, чем остальные. А наиболее излюбленной подробностью у них обычно была одна – насколько сильно и высоко стоят или, напротив, вяло свисают груди у той или иной женщины.

Половые акты перед зеркалом или в постели при ярком свете, «амур де труа»¹... Эти разговоры, которые будто нарочно велись при Ахлимане, возможно, с намерениями жестоко поиздеваться над ним, лишали его ночного сна. Он метался в постели от гнетущей безысходности, метался и мучился от неумело представляемых в воображение эротических сцен, возбуждение охватывало его молодое, здоровое тело, и ничего нельзя было с этим поделать. Он пытался забыть свои эротические сны и фантазии, отвлечься от навязчивых мыслей за чтением книг на темы, далёкие от любовных. Нередко начиная читать книгу при свете ночника, он завершал её чтение на рассвете, с лучами восходящего солнца. Сверстники, зная о его пристрастиях и комплексах, издевались над ним при малейшей возможности.

– Книги никуда не убегут, – твердили они в один голос.

– Будешь читать, когда состаришься.

– Прелести жизни кроются промеж женских ног. Так вот!

Но большинство однокурсников, которые в обычное время смотрели на Ахлимана свысока и подтрунивали над ним, в преддверии экзаменов нуждались в его помощи. Они хорошо знали, что он начитан, грамотен, что он отличник. Сокурсник Ахлимана Сади, которого он подготовил к экзаменам лучше, чем преподаватели, как-то пообещал ему:

– Если сдадим экзамен по философии без проблем, у меня для тебя будет шикарный сюрприз...

Ахлиман так усердно готовил Сади к экзамену, так доходчиво объяснял предмет, что тот получил «отлично».

– Я всегда сдерживаю обещания, – сказал Сади. – Завтра вечером приезжай ко мне. Родители на даче. Я приготовил тебе такой сюрприз – на всю жизнь запомнишь. Но обязательно побрейся, оденься опрятно. Вот, возьми этот одеколон, надушись.

На следующий день, ровно в восемь часов вечера он приехал к Сади домой, в пятый микрорайон. На столе стояла бутылка шампанского и ваза с фруктами. Едва они уселись за стол, как открылась дверь соседней комнаты, и к ним подошла девушка двадцати трёх – двадцати четырёх лет, в жёлтом платье с вызывающе открытыми плечами. Из-под её прозрачного платья было отчётливо видно бикини.

– Ну, узрели все твои тайные прелести, твои бикини на мякине! – ослабившись, сказал ей Сади. – Теперь выпьем за твоё здоровье!

Осушив бокалы, они выпили ещё за Сади и Ахлимана.

Сади включил магнитофон. Полилась тихая, медленная танцевальная музыка.

Девушка встала с места, и схватила Ахлимана за руку:

– Потанцуем?

Ахлиман танцевал плохо, но отказать не решился; встал с места, и робко взял девушку за талию.

---

¹ Amour des trois (по-французски): любовь втроём.

Сади говорил по телефону.

– Хорошо, хорошо, не сердись, сейчас привезу, – сказал он, и, повесив трубку, обратился к танцующей паре: – Чёрт возьми, я совсем забыл! Нужно отвезти на дачу лекарство для отца – он уже вне себя от ярости. Если я задержусь, когда будете уходить, выключите свет и захлопните дверь.

Едва Сади вышел из квартиры, как девушка, обняв Ахлимана, поцеловала его в щеку. Разлепив языком его губы, она принялась лизать ему язык. Ахлимана как током ударило. Её рука потянулась к ширинке его брюк.

Всё, что происходило потом, казалось Ахлиману сладким сном. Он даже не помнил, как они прошли в другую комнату, разделлись и легли в постель... Позднее он вспоминал эти моменты как в тумане, и нередко даже терялся в сомнениях – неужели всё это произошло в действительности?

Своими опытными руками, губами и гибким телом девушка поощряла и подбадривала Ахлимана, и непрерывно стонала: «да, да...»

Затем настал пик удовольствия – одновременный оргазм и последовавшее за ним расслабление. Ахлиман, словно одурманенный, опустошенный, провалился в тёмную пропасть сна.

Проснувшись утром, он не застал девушку – она тихо ушла, даже не разбудив его.

Внезапно Ахлиман прослезился и чуть не разрыдался: этой ночью, в свои двадцать два года он наконец-то стал мужчиной. Но на душе у него словно кошки скребли: а вдруг это коварный розыгрыш? Может, эту девушку хотят выдать за него замуж? Может, она забеременеет и начнёт шантажировать его? Или куда хуже, заразит его неприличной болезнью... Единственное, что он помнил из той ночи, было удовольствие вперемешку с болью, но лицо девушки ему не запомнилось. Он не узнал даже её имени.

А почему она не представилась, когда познакомились? Наверняка, это тоже своего рода конспирация... Ни имени, ни телефона, ни адреса... Её словно и вовсе не было – Ахлиману она лишь померещилась. Всё это случилось под воздействием шампанского и возможно, разведенного в нем какого-то лекарства – это было не наяву, а... галлюцинации, игра воображения. Но ведь мягкий матрац, пятна на простыне – факты, всё было реально... И теперь именно в этой реальности Ахлиману нужно было встать с постели, умыться, одеться...

Не успел он войти в двери института, как Сади с улыбкой встретил его у входа:

– Как ты, старина? – спросил он. – Ну что, доволен? Как видишь, я слов на ветер не бросаю.

Ахлиман покраснел; ему не хотелось говорить, рассказывать, обсуждать произошедшее.

Однако ему казалось, что события прошлой ночи уже известны всем, и теперь и студенты, и преподаватели относятся к нему по-другому. Он подозрительно оглядывался и замечал, что кто-то смотрел на него с иронией, кто-то с упрёком, а некоторые с уважением и даже с завистью... Вполне возможно, что все это ему только казалось.

Нет, видимо, все-таки, он не ошибался в своих догадках. Сокурсник Фируз, обычно избегавший его, на этот раз подошёл к нему, и хитро подмигнув, страстно шепнул ему на ухо:

– Да-а... да-а... – и расхохотался.

Ахлиман вздрогнул. Значит... Значит, что? Он даже думать об этом не хотел. Наконец, не сдержавшись, он подошёл к Сади и отвёл его в сторону:

– Та девушка... – едва он начал говорить, как Сади расплылся в улыбке.

– Что, понравилась? Хочешь ещё раз попробовать?

– Нет, – ответил Ахлиман и тут же осознал, что его «нет» может быть истолковано по-разному. – Ты говорил об этом Фирузу?

– Фирузу? Нет, а что?

– Фируз знает эту девушку?

– Да кто же её не знает...

После недолгого колебания Ахлиман спросил:

– У тебя с ней что-то было?

– А зачем тебе? – рассмеялся Сади. – Влюбился, что ли? Много будешь знать – скоро состаришься. Послушай меня, живи в своё удовольствие. Если захочешь, я ещё раз сведу вас. Только уже не у нас, а в другом месте – родители завтра возвращаются с дачи, – и вдруг, поменяв тон, как умудренный годами старец, принялся читать наставления: – Жизнь даётся нам всего лишь раз, живи и радуйся, и не грузи себя ненужными мыслями. Ни о чём не думай.

С тех пор Ахлиман дал себе слово, что впредь никогда не будет иметь близких отношений с женщинами, а от своих желаний и грешных мыслей будет спасаться с помощью книг.

Летели месяцы. Сдерживать своё обещание становилось всё труднее. Наслаждение той ночи крепко овладело всей памятью его тела. В его жизни появилось и несколько других женщин – жениться он не собирался, так как относился ко всем женщинам потребительски, считал их всех чуть ли не продажными, проститутками. От женщин, с которыми он сношался на протяжении недели или десяти дней, он ничего не требовал, кроме плотских утех – ни любви, ни ласки, ни верности... Узнай он о том, что женщина, которая ещё вчера была в его объятиях, сегодня умерла, он бы и бровью не повел. Однако странно, что несчастья преследовали каждую из женщин, вступавшую в связь с Ахлиманом. У замужней женщины, прожившей с Ахлиманом десять дней, погиб в автокатастрофе пятилетний ребёнок.

– Это всё карма, – рыдала она, – я расплачиваюсь за свои грехи!

Другая женщина, с которой Ахлиман прожил дольше остальных – целых полмесяца, заболела раком, и спустя два месяца скончалась. Третья женщина-бухгалтер попала на мошенничестве, схлопотала пятилетний срок.

Четвёртая женщина... Нет, четвёртой женщины не было.

Точнее, она была, но она не стала женщиной Ахлимана... Трагические судьбы женщин, занимавшихся любовью с Ахлиманом, не на шутку тревожили и пугали его. Зная, что все эти беды произошли с женщинами после расставания с ним, он больше не желал подвергать еще кого-то несчастью.

Но как говорится, неисповедимы пути господни – видать, ангел любви, которого древние греки величали Купидоном, не дремал.

Если действительно возможна любовь с первого взгляда, то впервые увидев Рубабу, Ахлиман решил, что она создана для него и будет его женщиной. Они познакомились на выставке произведений художника Парвиза. Рубаба была родственницей художника, а тот написал портрет Ахлимана – это был странный на первый взгляд портрет: смотрящего притягивали как магнитом его большие, очень выразительные глаза. Художник и познакомил их возле своего произведения.

– Рубаба-ханым – моя двоюродная сестра, – сказал он. – А Ахлиман – мой натурщик.

– Красивый портрет, – промолвила Рубаба, – хотя Парвиз передал выражение ваших глаз не совсем удачно.

– Ну вот, с такими друзьями-родными и враги не нужны, – отшутился Парвиз, – а какое именно выражение его глаз я не смог передать?

Глядя прямо в глаза Ахлимана – живого, не на портрете – Рубаба ответила:

– У него страшные глаза... В них одновременно скрываются и тайна, и жестокость, и опасность...

Не вникая в её слова, Ахлиман, как замороженный, смотрел на шею Рубабы; собрав волосы на макушке, она полностью обнажила шею. «Лебязья шея» – именно это выражение вспомнилось сейчас Ахлиману.

Из-под глубокого декольте зелёного платья просились наружу её большие груди. Спустя много лет после своего первого сексуального опыта, Ахлиман вновь испытал страсть к женщине, однако, на этот раз он чувствовал потребность в ласках, в настоящей, глубокой любви. Он раздевал Рубабу глазами, мысленно его руки гладили её шею, плечи, груди, ласкали её полное, ухоженное тело, затем скользили по гладкой спине вниз; раздев догола, он укладывал её в своем воображении в постель, страстно целовал шею. Он теперь даже не вспоминал свой первый неудачный опыт интимной близости, который ему как мужчине мало что дал, а руководствовался гораздо более поздними своими похождениями, навыками в сексе, приобретенными в последующие годы. И занимаясь в своих мечтах с ней любовью, он смотрел прямо в большие серые глаза Рубабы, и в этих глазах, в её раскрытых, сдерживающих крик губах он видел боль – боль от страстных мгновений, которые вели их обоих к вершине наслаждения.

В гуле толпы, собравшейся на выставке (к тому же где-то играл квартет), он слышал лишь воображаемые стоны и страстный шёпот Рубабы.

Художник, окружённый корреспондентами, давал интервью. Пользуясь моментом, Ахлиман решился попросить у Рубабы телефон. Не колеблясь ни одного мгновенья, она раскрыла свой маленький чёрный ридикюль, обшитый бисером, и протянула Ахлиману визитку.

С тех пор они стали созваниваться. Он ничего не знал о Рубабе, да и знать не хотел. Он не знал, замужем она или нет, разведена, а, может, овдовела? В любом случае, они могли созваниваться в любое время, и беспрепятственно беседовать часами. Беседовали они обо всём: о книгах, театральных постановках, музыкальных и литературных произведениях, фильмах. Ахлиман расстраивался и немного ревновал, когда Рубаба начинала хвалить какого-то композитора или актёра; он сознавал, что слава этого композитора или актёра ему никак не светит. Эта ревность была вызвана не столько завистью, сколько мучениями Ахлимана от сознания того, что ему никогда не удастся достичь знаменитости и вершины в угоду любимой женщине, и ревность эта побуждала Ахлимана отомстить своей судьбе, своей участи за такую обделённость.

Они устроились на работу в одном и том же научном учреждении, чтобы быть ещё ближе друг к другу.

Как-то Рубаба рассказывала ему о нашумевшем фильме, и, между прочим, заметила, что этот фильм уже смотрели многие, а она пока не видела.

– Если хотите, можем завтра сходить, посмотреть, – предложил Ахлиман.

Они назначили встречу на завтрашний вечер, без четверти восемь, возле кинотеатра «Низами». Прибыв раньше на полчаса, Ахлиман купил в кассе два билета в последний ряд: у него было особое, тайное намерение.

Рубаба пришла точно в назначенное время. Аромат её духов шёл впереди неё, на этот аромат Ахлиман и обернулся.

Войдя в зал, они заняли свои места в заднем ряду. В салоне погас свет, и Ахлиман, взяв руку Рубабы в свою, начал ласкать указательным пальцем её ладонь. Женщина не стала убирать руки. В какой-то момент Рубаба положила голову на плечо Ахлимана. Ахлиман почувствовал, что она поощряет его к началу интимных связей. Когда свет экрана померкнул от темных кадров фильма, и в зале воцарилась крошечная тьма, Ахлиман положил руку на колено Рубабы,

медленно продвигаясь вверх, к цели. Внезапно Рубаба, словно очнувшись, оттолкнула руку Ахлимана, и резко встав с места, быстрыми шагами покинула зал.

Торопливо поднявшись, Ахлиман поспешил за ней... Рубаба направлялась к лестнице.

– Рубаба, Рубаба-ханым, простите меня, ради бога! – воскликнул Ахлиман.

Но женщина, не оглядываясь, быстрыми шагами спускалась по лестнице.

Ахлиман, стоя как истукан, смотрел на её ровную, гладкую спину, выпирающие круглые бёдра, полненькие ножки, туфли на высоких каблуках, сердито стучащих по мраморным ступеням...

Вдруг Рубаба споткнулась, упала с лестницы.

Ахлиман и стоящие у дверей билетёрши поспешили к ней. Рубаба стонала от боли – как оказалось, у неё была сломана нога.

В больнице Рубаба пролежала в гипсе целых три месяца...

ГЛАВА 7

В поисках Дири-Бабы

«Всевышний вселил в души людей определённую тайну. Эта тайна кроется в человеческой душе, подобно огню, скрывающемуся в камне или железе. И только тогда, когда железо или камень ударяется об огниво, появляются искры».

Аль Газали

«В практике Дзен глаза и взгляды играют очень важную роль. Когда глаза открыты, мысли направляются на видимую окружающую среду, что создаёт помеху для душевных раздумий».

Секуди Кацуки, из «Практики Дзен»

В студенческие годы я дружил только с двумя людьми – нахчыванцем Мохсуном и шекинцем Зейналом. Мы легко находили общий язык и сразу подружились потому, что они своим характером и воспитанием были близки мне и отличались от других парней – никогда не позволяли себе дурного поведения по отношению к женщинам и избегали нецензурных выражений в их присутствии. Друзья были – не разлей вода, хотя эти двое были не прочь временами «подкалывать» друг друга.

– ЧАЙ, дорогой мой, ЧАЙ, – говорил Зейнал Мохсуну. – Почему ты говоришь «цай»?

– А! Понял, цай – это как чапуста?

Зейнал заливался смехом и подмигивал мне:

– Значит, букву «ч» он берёт для слова «капуста»...

– Кого ты говорить учишь? – парировал Мохсун. – Я как-то был в Шеки, и местный поэт читал по радио стихи:

Даглара гар ягытды,
Кюляк гялди, дагытды.¹

Ха-ха-ха! Ну, теперь что скажешь, шекинец?

Но больше всего Мохсун гордился достопримечательностями Нахчывана:

– История человечества начинается с Нахчывана – а вы не знали? Ноев ковчег причалил к горе Гемигая².

– А как ковчег смог добраться до горы? – спросил Зейнал, прикидываясь простачком.

– Я знал, что ты неуч, но не до такой степени, – отшутился Мохсун. – В те времена гора находилась посреди моря, там даже среди скал можно найти ракушки. Если сумеете взобраться туда, то увидите наскальные изображения, связанные с космосом.

– Может, ты тоже явился на землю из космоса? – подтрунивал Зейнал.

Не обращая внимания на шутки друга, Мохсун продолжил:

– Сейчас там могила Ноя. Когда-то художник Бахруз Кенгерли изобразил на своей картине эту могилу. Кроме того, там находится Асхаби-Кяхф³. Об этом святилище говорится даже в священном Коране.

– Это не Асхаби-Кяхф, а особый кайф, – гнул свою линию Зейнал.

В очередной раз проигнорировав шутку друга, Мохсун начал рассказывать о местности под названием Хымрыд:

– В Хымрыде бьёт фонтан, по которому хоть часы сверяй. Каждый час, минута в минуту, из недр земли извергается вода. Это тебе не ваш Союг-булаг⁴, Зейнал – такое ощущение, что под землей кто-то сидит и регулирует почасовое извержение воды. Скажешь не чудо?

Рассказы Мохсуна настолько заинтересовали, почти околдовали меня, что хотелось при первой же возможности посетить эту легендарную местность. Честно говоря, больше Хымрыда и Гямигая меня привлекал Дири-Баба, о котором безуданно рассказывал Мохсун. В Маразе⁵ я видел гробницу Дири-Бабы.

О Дири-Бабе я слышал легенду: как-то этот правоверный старец умер, и его похоронили. На следующий день, навещая его могилу, люди увидели, что Дири-Баба ожил, и молится в гробнице. С тех пор его называли Дири-Баба⁶. Схожую притчу я слышал и в Дербенте: там находится кладбище Гырхлар. Гырхлар⁷ – это сорок обезглавленных исламских шахидов⁸. Люди погрузили их тела в телеги и отвезли на кладбище, но по дороге увидели, что все эти сорок всадников скачут перед телегами. Когда-то меня очень интересовали темы о загробной жизни и воскрешении мертвецов, и я пытался объяснить себе эти легенды не как небылицы, а как реальные события. Рассказы о Дири-Бабе привлекли меня, прежде всего, из-за его имени. Кем

---

¹ Дословно: «Горы покрылись снегом, но ветер сдул его с них». Иронизирует над неправильным произношением.

² Гемигая – гора в Нахчыванской АР, на территории Ордубадского района. Дословно – «Корабль-гора».

³ Асхаби-Кяхф – природная пещера – святилище в Нахчыване. Переводится с арабского как «пещерные люди».

⁴ Союг-булаг – дословно: холодный родник (азерб). Название туристического комплекса в г. Шеки.

⁵ Маразы – административный центр Гобустанского района Азербайджана.

⁶ Дири-Баба – дословно: живой старец (азерб.).

⁷ Гырхлар – дословно: сорок человек (азерб.).

⁸ Шахиды – люди, погибшие во имя веры.

был этот старец, почему его звали Дири? Дело в том, что Мохсун и сам не видел его – только лишь слышал рассказы о нём.

По легенде, он был правоверным старцем. Ему было сто пятьдесят лет – как говорится, шаха Надира видел на троне, а Гаджара – в пелёнках, прожил аредовы веки¹.

Мохсун признавался, что рассказы о Дири-Бабе он слышал, в основном, от отца и деда – хотя, они и сами никогда не видели его. По преданию, он жил в одиночестве в келье, в развалинах древнего города под названием Хараба Гилан. Как он жил, чем питался – никто не знал. Только один человек, которому было далеко за девяносто, раз в месяц посещал Дири-Бабу, и передавал народу его советы и наставления. Некоторые считали, что такого человека и вовсе не существует – это всё сказки, кто-то выдумал их и распространил среди людей.

Я сказал Мохсуну, что если мне когда-то удастся побывать в Нахчыване, я обязательно встречу с Дири-Бабой.

– Разумеется, – сразу же стал ёрничать Зейнал, – Дири-Баба сидит уже полтора года лет и ждёт тебя.

Но, как ни странно, Мохсун отнёсся к моему желанию вполне серьёзно. По счастливой случайности, в рамках соглашения об обмене опытом между вузами, меня направили в Нахчыван, чтобы я там сделал доклад на студенческом симпозиуме. Мохсун сначала не хотел ехать со мной.

– Ничего знать не хочу! – категорически возразил я. – Уже в который раз ты приглашаешь меня в гости в Нахчыван. Если сейчас не поедешь со мной, то всю жизнь буду звать тебя Гурбанали-беком².

После недолгих кокетничаний Мохсун, наконец, согласился. А Зейнала, естественно, упрашивать не пришлось.

Короче говоря, в один из погожих сентябрьских дней мы полетели в Нахчыван. Действительно, на правах хозяина Мохсун оказался очень гостеприимным. Выяснилось, что у него бесчисленное количество родственников, и в каждом доме нас встречали с почестями, щедро угощали, кормили, как на убой... Я восхищался видами неповторимой природы этого края, лесами Халхал, озером Батабат, ордубадскими садами, добродушием нехрамцев... Впервые в жизни я отведал Арзуман-кюфтеси³, луковые голубцы, медовую яичницу... Но все мои мысли были о Дири-Бабе – во что бы то ни стало я должен был увидеть его. Я настолько надоел Мохсуну с этой просьбой, что наверняка, он жалел о том, что рассказал мне о Дири-Бабе. Но я был непреклонен: раз обещал – выполняй. Подобные мистические истории всегда притягивали меня, вызывали у меня какое-то странное, необъяснимое состояние. Это превратилось в манию – я обязательно должен был достичь задуманного. По моей инициативе, мы, наводя справки, расспрашивая стариков, наконец, нашли заветного девяностолетнего старика.

В его внешности, поведении и речи не было ничего необычного. В молодости он работал водителем, и уже двадцать лет, как на пенсии. Было ему вовсе не девяносто лет, а лишь семьдесят два.

---

¹ Аредовы веки – фразеологический оборот, относящийся к чему-то, или кому-то, прожившему неестественно долго, в Библии упоминается об Иареде, прожившем 962 года.

² Гурбанали-бек – герой одноимённого рассказа выдающегося азербайджанского писателя Джалила Мамедгулузаде (1866-1932), образ хвастливого и угодливого помещика. Гурбанали-бек является олицетворением раболепных льстецов, не умеющих сдерживать свои обещания.

³ Арзуман-кюфтеси – азербайджанское национальное блюдо – крупные мясные тефтели, приготавливаемые, в основном, в Нахчыване.

Странность его заключалась в том, что после нашего знакомства он сразу же стал внимательно, изучающе рассматривать меня:

– Кажется, я где-то тебя видел, – сказал он.

Однако в разговоре выяснилось, что за всю свою жизнь он ни разу не выезжал за пределы Нахчывана, а я приехал сюда впервые в жизни. Где же он мог меня видеть?

– У тебя при себе фотография есть? – вдруг спросил он, повергнув меня в недоумение.

– Только та, что в паспорте.

– Там, за углом работает фотограф Мурсал – дай ему, пускай увеличит.

Даже не поинтересовавшись, для чего это нужно, я послушно отнёс к фотографу и увеличил фото.

Старик забрал фотографию и, внимательно её рассмотрев, положил в карман, не сказав ни слова, ничего не объясняя и не обещая.

До возвращения в Баку оставалось два дня. Все мои надежды увидеть Дири-Бабу становились все более нереальными.

В последний день перед возвращением я сидел во дворе дома Мохсуна, где был разбит цветник, и пил ароматный чай из самовара (а Мохсун наконец-то научился правильно выговаривать слово «чай»). Вдруг в ворота постучали.

Пришел старик, который забрал у меня фотографию. Он отвёл меня в сторону и шепнул на ухо:

– Завтра я отведу тебя на поклонение Дири-Бабе – но никому об этом не говори.

– Но ведь завтра рано утром я улетаю в Баку.

– Потом улетишь! Такая возможность представляется лишь раз в жизни. Но смотри, не вздумай говорить об этом кому-нибудь.

– А что мне сказать Мохсуну? Как ему объяснить, почему я поменял билет, куда я еду вместе с тобой?

– Не беспокойся. Они ничего не проведуют, даже не ощутят твое отсутствие.

ГЛАВА 8

А БЫЛ ЛИ ДИРИ-БАБА?

«Некоторые считают, что суфии обладают скрытной силой и даже способны одним лишь взглядом излечить человека от тяжёлого недуга или же изменить ему жизнь».

Идрис Шах, из книги «Суфизм»

«Дзен – мистик, по-другому и быть не может, ибо дзен – основа восточной культуры. Именно этот мистицизм мешает Западу понимать восточное сознание, так как основная черта западного сознания заключается в логике и логическом анализе. А для восточного мистицизма подобная логика неприемлема».

«Экзистенциализм – не такой атеизм, который растрчивает себя на доказательства того, что бог не существует. Скорее он заявляет следующее: даже если бы бог существовал, это ничего бы не изменило. Такова наша точка зрения. Это не значит, что мы верим в существование бога, – просто суть дела не в том, существует ли бог. Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога. В этом смысле экзистенциализм – это оптимизм, вера в человека, призыв человека к действию».

Жан Поль Сартр,
французский писатель и философ XX века,
отрывок из эссе
«Экзистенциализм – это гуманизм»

В девять часов утра я уже стоял возле мавзолея Момины-Хатын. Он сам назначил для встречи именно это место, чтобы я смог легко найти. Восьмидесятидвухлетний водитель-пенсионер ждал меня за рулём грузовика. Я был удивлён: как можно в таком возрасте управлять грузовиком.

Всю дорогу мы молчали. Я любовался прекрасными пейзажами Нахчывана, горой Иланлы, которую было видно с любой точки, скалами, созданными природой и одновременно напоминающими образцы современного абстрактного искусства, скульптуры модернистов, горными склонами, переливающимися всеми цветами радуги – нельзя было не восхищаться всей этой красотой. Я был охвачен волнением от предстоящей встречи с человеком-легендой. Рассказы о Дири-Бабе вдохновляли и подстегивали мое любопытство, а с другой стороны, я почему-то опасался, боялся предстоящей встречи. В глубине души я чувствовал, что эта встреча может полностью изменить мою жизнь.

Машина ехала, трясясь и подпрыгивая на ухабистой дороге – и с каждой тряской у меня в душе словно что-то обрывалось. Это было не напряжение тела, а предчувствие глубочайшего потрясения в моей душе.

Я увидел руины древнего обиталища. Это были дома без крыш, с треснутыми стенами, на которых жалко смотрелись дверные и оконные проемы. Возле разрушенных домов стояли заборы, из которых, как редкие старческие зубы, торчали камни. Машина остановилась возле единственного более-менее уцелевшего среди этих руин жалкого домишка. Водитель вышел из машины, и жестом велел мне тоже выйти. Он молча указал на дверь – он всё показывал жестами, словно боялся подавать голос.

Внезапно он вытащил из кармана чёрные солнечные очки и протянул мне.

Даже не спросив, зачем это нужно, я, словно околдованный, послушался его и надел очки.

Старик-водитель остался снаружи – а я, согнув голову, по его указке вошёл в лачугу через узкую, низкую дверь. В этой лачуге, келье таинственного старца царил полумрак, и освещала её лишь тускло горящая свеча. Я был в тёмных очках, и оттого мне почти ничего не было видно. Среди голых стен этой комнаты – если конечно, это помещение можно было назвать комнатой –

на полу была разостлана циновка. На дальнем конце циновки я с трудом заметил человека, сидящего на матрасе...

Его нельзя было назвать стариком. Словно само время, состарившись, запечатлелось на смуглом лице этого человека. Его глубокие, грустные глаза, похожие на глаза индийца, вонзались в душу человека, на которого он глядел. Его белоснежная борода и волосы создавали изумительно резкий контраст с его темным лицом.

Это и был тот самый Дири-Баба... На мгновение мне показалось, что передо мной сидит не живой человек, а статуя – и лишь выражение чёрных глаз выдавало в нём живого человека.

Он молчал. Мне показалось, что вся наша встреча пройдёт в этой гробовой тишине, и, поглядев друг на друга некоторое время, мне придётся уйти.

Однако в это время Дири-Баба, словно прочитав мои мысли, промолвил сиплым голосом, будто доносящимся из глубины веков:

– Добро пожаловать, Ормузд!

«Почему он назвал меня Ормуздом? – подумал я, – ведь меня не так зовут. Наверно, перепутал меня с кем-то...»

– Моё имя... – едва я заговорил, как он перебил меня:

– Твоё имя должно быть Ормузд, – заявил он так твердо, что я не осмелился спорить.

«Ормузд! Ну ладно, пускай будет Ормузд! А мне как к нему обращаться? Дири-Баба? Ваше Святейшество? Старик?»

Я нашёл наилучший выход:

– Дедушка, – сказал я. – В чём ваша тайна?

– Тайны ведомы лишь Аллаху, – ответил он. – Всевышний сказал Пророку: Я раскрыл тебе лишь часть наших тайн, а про остальные тайны ты никогда не узнаешь. А пророк заявил верующим: «Я вам не говорил, что мне ведомы все тайны! Я вам раскрываю лишь то, что мне известно!»

– Как бы там ни было, ваше отшельничество должно иметь какую-то причину, – сказал я. – Какую?

Я полностью потерял представление о времени – прошло десять минут, или может быть, несколько часов. Помолчав, он задал мне вопрос, от которого я впал в шок:

– Ты слышал о Деде Горгуде?

– Конечно, – ответил я с изумлением.

– Помнишь Циклопа?

Кто был этот человек, сидевший передо мной? Легендарный старик, являющийся кладезем бесчисленных тайн? Или может, это сам тысячелетний Деде Горкуд? Не дождавшись моего ответа, он задал другой вопрос:

– А кто такой Циклоп?

– А кто он? – ответил я вопросом на вопрос.

– Почему он хотел покончить с собой? – спросил он, проигнорировав мой вопрос.

Я попытался вспомнить эпос «Китаби-Деде Горгуд», который я читал в школьные годы. Кажется, в тексте был какой-то непонятный фрагмент о желании Циклопа покончить с собой. Внезапно в моём сознании словно включился свет – этот отрывок из эпоса возродился в моей памяти слово в слово.

– Ты понял, почему он хотел покончить с собой?

– Нет, не понял.

– Потому что он Циклоп!

Я опять ничего не понял.

Старик будто вновь прочёл мои мысли.

– У человека должно быть два глаза, – сказал он. – А у избранных в голове бывает и третий глаз – глаз прозорливости. Этим глазом они видят то, что не дано увидеть другим. Третий глаз находится в их черепе. А единственный глаз Циклопа находился снаружи, у него на лбу. Этим глазом он видел всю уродливость нашего мира, но беда в том, что он хотел устранить эту уродливость, победив Зло с помощью еще большего Зла. Он хотел уничтожить человечество, породившее на Земле все беды и Зло, и, добившись своего, покончить с собой, дабы не остаться в одиночестве во всём мире.

«Прекрасно, – подумал я, – стремился встретить легендарную личность, но вместо этого приходится слушать лекцию о фольклоре».

– Не торопись, Ормузд, – старик и на этот раз прочёл мои мысли. Теперь его голос раздался сзади – хотя он сидел передо мной. – Я знал, что когда-нибудь ты придёшь. Я ждал тебя. В твоих глазах кроется тайна – я понял это, взглянув на твою фотографию. На фотографии можно поменять всё, кроме выражения глаз. А оно неповторимо, как отпечатки пальцев... Определённый взгляд также принадлежит лишь одному человеку, и больше никому, – на этот раз его голос звучал сбоку, будто в лачуге повсюду стояли динамики, и голос Дири-Бабы раздавался каждый раз с разных сторон. Складывалось ощущение, что говорит не легендарный старец, а сама эта тёмная келья, её стены, пол и потолок.

– В чём заключаются беды мира? – спрашивала келья.

– Откуда мне знать? В мире происходит много бед...

– Беды мира заключаются в том, что в мире дурного глаза больше, чем доброго, дурной глаз сильнее. То добро, которое добрый глаз творит через сотни взглядов, может разрушаться одним лишь взглядом дурного глаза. Вот мы говорим: сглазить, с глаз долой, для отвода глаз, глазливый, глаз – алмаз, не в бровь – а в глаз...Глаз да глаз... Почему мы так говорим? Потому что глаз – это начало всего, Ормузд! Глаз – это начало и Добра, и Зла.

– А почему ты называешь меня Ормузд, дедушка?

– А ты и есть Ормузд, хоть сам и не знаешь об этом. Человек сам создаёт самого себя, и может воспитать себя как Ормузда, или как Ахримана. В человеке живут они оба – и Ормузд, и Ахриман...

– Ты веришь в Бога? – после недолгой паузы, вдруг спросил он.

– В Бога? – я не знал, как ответить на этот вопрос, чтобы угодить старику. Вместо меня ответил он сам:

– Верить-то ты веришь, но в то же время у тебя есть что спросить у Бога. Почему же Бог, который един и у мусульман, и у христиан, и у иудеев, допускает несправедливость, бесправие, жестокость, и никак не может справиться с Дьяволом? Да, мудрецы говорят, что нужно иметь в душе такую огромную любовь к Богу, чтобы там не оставалось места для Дьявола. Но кто такой Дьявол, как он смеет хозяйничать в мире, созданном Богом? Знаешь, кто подробно ответил на этот вопрос?

– Не знаю.

– Откуда тебе знать... ведь ты всё ещё пребываешь в невежестве. На этот величайший вопрос человечества ответил наш предок Зардушт. В мире он известен под именем Заратустры. Зардушт приходится внуком пророку Ною, похороненному в этой земле, а мне – прапрадедом.

И вновь прочитав мои мысли, он добавил:

– Нет, я не сумасшедший. Наш предок Зардушт говорит, что миром правят две силы – Добро и Зло. И человек должен сам решить – Добро или Зло ему выбрать... Даже в сегодняшнем мире Ормузд борется против Ахримана. Временами то один, то другой из них выходит победителем... В твоих глазах я увидел свет Ормузда. Но ты подвергался множеству испытаний и будешь им подвергаться в дальнейшем. Ахриман всё время будет пытаться привлечь тебя к себе. Он напомнит тебе обо всех несправедливостях, оскорблениях и унижениях, пережитых тобой ещё с детства, побуждая тебя мстить за всё это. Но ты должен знать, что борьба против Зла с помощью Зла рождает ещё большее зло... Победа вызывает ненависть. Мсть – удел неудачников. Если неудачник отомстит и выйдет в этой битве победителем, то оборвать эту порочную цепь не удастся никогда. Чтобы достичь мира, необходимо отказаться от побед и поражений. Самый великий победитель – тот не тот, кто победил в сражении тысячи людей, а тот, кто победил самого себя.

«Он обидел меня, оскорбил, унизил». Человек, живущий с этими мыслями, всю жизнь испытывает злобу. Избавившись от этих мыслей, человек подавляет в себе ненависть, освобождает свою душу. Никогда ещё в мире ненависть не подавлялась ненавистью.

Древние китайцы были мудрее – они советовали не поддерживать ни Добро, ни Зло, а оставаться таким, каким ты был ещё до появления на свет, где сражаются Добро и Зло. Согласно древней китайской философии, Добро и Зло не существуют обособленно – они единое целое.

– А как же тогда отличать добро от зла?

– По голосу своей души. Прислушайся к своей душе. Твоя душа сделает правильный выбор. Бог кроется в твоей душе. Вспомни Деде Горгуда. «Многие невежи ищут Тебя в небесах, рыщут по земле, а Ты находишься в душе правоверных».

Дири-Баба вдруг протянул мне, неизвестно как оказавшийся в его руках какой-то крупный предмет. Я взгляделся – это был амулет. Такого крупного амулета я еще не видел.

– Повесишь у себя дома. Этот амулет достался мне от Зардушта, он переходит из поколения в поколение. Этот амулет уберезит тебя от злодеяний Ахримана. А ты будешь беречь людей от самого Ахримана.

В городе, куда ты вернёшься, живёт учёный, у которого находится древнейший в мире ковёр. Этот ковёр украшен узорами знаний обо всех тайнах Вселенной, о тайне начала и конца света. Ты сможешь их тоже уберечь от дурного глаза. Взойди на Асхаби-кяхф. Больше ни слова не скажу – сам увидишь, что произойдёт.

Я не заметил, как Дири-Баба умолк и исчез. Я весь словно окаменел. Я остался один здесь, среди голых стен, а передо мной – циновка, на ней матрас. И тусклая свеча, которая тут же потухла. Я очутился в кромешной тьме. Кое-как, на ощупь найдя дверь, я вышел наружу. Во дворе тоже было темно – ни зги не видно. Когда же наступила ночь? Неужели я пробыл здесь весь день?

Не было видно и грузовика, на котором я приехал сюда. Мне пришлось самому выбираться тёмной ночью из этого незнакомого места, где ухали совы среди разрушенных стен, и мелькали страшные тени.

С того дня, с той ночи прошло много лет, но я всё ещё не могу уверенно сказать – действительно ли произошла эта встреча, или она мне только померещилась? Может, я видел всё это в причудливом сне, а наяву, по-настоящему ничего и не было? Не знаю... Не уверен...

Как же мне удалось выбраться из Хараба Гилана и вернуться домой к Мохсуну? Почему они не спросили, где я был всё это время, и даже не удивились моему столь долгому отсутствию? Выходит, всё это – моё бредовое воображение, фантазии, заполонившие моё сознание. Ну и прекрасно, пусть будет так...

А откуда же тогда взялся этот крупный амулет, который висит на стене у меня дома? Я же его никогда, нигде не покупал...

ГЛАВА 9

Пьяница Искендер тоже был прав

«Мертвецы! Не вздумайте слушаться Шейха и воскресать. Вот вы сейчас спокойно лежите на этом кладбище, и даже понятия не имеете, что происходит в мире. Ведь воскреснув, вы не останетесь на этом кладбище: захотите разойтись по домам. Прекрасно! Допустим, разошлись. А вы уверены, что вас пустят в свой дом? Придя домой, вы увидите, что двери заперты. «Откройте, я хозяин этого дома!» – скажете вы. Но вам ответят: «Ничего подобного! Твой брат Гаджи Фарадж женился на твоей вдове, и присвоил твой дом! Пошёл к чёрту!»

Джалил Мамедгулузаде, «Мертвецы»

Приближаясь к нашему двору, я молил бога, чтобы никто из знакомых меня не видел. Нет, я не стеснялся грязных, изношенных штанов, что были на мне. Я просто боялся, что увидев меня, мои знакомые потеряют сознание. Ведь как-то непривычно, чтобы мертвецы разгуливали по улицам спустя три дня после похорон. С другой стороны, вряд ли кто-нибудь в это время, в вечерней темноте мог бы узнать меня. Слава богу, ни с кем не повстречавшись, я дошёл до своего подъезда. Зашёл в лифт и нажал на кнопку третьего этажа. Набирая код квартиры – цифры 3,4,6, я внезапно увидел на дверях табличку:

ЗАКИР ЗАКИРОВ

ЦЕНТР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПОДДЕРЖКИ

Словно земля ушла у меня из-под ног. Кое-как взяв себя в руки, я открыл дверь. Едва успел зайти в комнату, как услышал женский крик.

При тусклом свете торшера я лишь увидел, как голая женщина, лежавшая на моём рабочем столе, столкнула с себя голого мужчину, вскочила и побежала к дверям соседней комнаты. На спине у женщины я успел заметить круглые пятна от банок.

Поспешно подобрав с пола мой халат, Закир прикрыл свою наготу.

– Ты кто? – спросил он, взглянув на меня. Кажется, он всё ещё не верил своим глазам. И вдруг, как от удара током, он, будто обессилел, прислонился спиной к стене, и медленно пополз вниз.

– Э...то в...ы? – промолвил он заплетающимся языком.

Его выпученные глаза застыли, как у мертвеца, и уставились в пустое пространство.

– Да, это я! – ответил я. – Шеф и научный руководитель такой неблагодарной свиньи, как ты!

Закир молчал. А что он мог сказать? Не прошло и трёх дней с моих похорон, как мой самый любимый ученик – подлец, которому я передал чуть ли не все свои знания, присвоил мою офисную квартиру, снял с дверей табличку с моим именем и повесил свою (этот подлец ещё успел заказать и повесить новую табличку!). Более того, он нагло напялил на себя мой любимый халат в красную полоску.

Он занимался любовью на рабочем столе, за которым я провёл немало бессонных ночей; как будто в этой комнате не было дивана, а в соседней – кровати... Видимо, любовь на столе – это тоже своего рода забава.

Женщину я тоже узнал – хотя видел её только со спины. За пару дней до похорон я слышал, что у неё воспаление легких, и ей поставили банки. Это была Рубаба. Когда-то в далёком прошлом она нравилась мне. Это была моя единственная безответная любовь. Женщина, которая когда-то не позволила мне класть руку ей на колено, оказалась попросту девкой, дрянью лёгкого поведения.

– У тебя нет ни стыда, ни совести, Закир! Хотя бы подождал, чтобы с моих похорон прошло ну не сорок, а хотя бы семь дней...

Закир неподвижно сидел на корточках, подпирая стену – он был в прострации. Я словно говорил с пустотой.

– Значит, поэтому ты столкнул меня с третьего этажа, Закир! Чтобы присвоить мою квартиру, мою должность, моё незавершённое исследование, моё изобретение! Чтобы превратить мою квартиру в бордель, – слова застревали у меня в горле. – Детей у меня нет, я любил тебя как своего сына. Даже в могиле мне и в голову не пришло бы, что это ты столкнул меня с третьего этажа, чтобы избавиться от меня.

Побледневшее лицо Закира окаменело. Мне даже стало жаль его. Схватив со стула его брюки и рубашку, я швырнул их в него:

– Одевайся и пошёл вон отсюда! – приказал я. – И табличку свою сними с моих дверей...

Я прошёл в соседнюю комнату. Прикрыв лицо руками, Рубаба рыдала. Она была одета... в фисташково-зелёное платье – теперь уже конечно другое, новое, но точь-в-точь такое же, которое мне когда-то так нравилось.

Почувствовав моё присутствие, она подняла голову. Кажется, её ничего не удивляло – будто всё так и должно было быть: появление в таком диком, неопрятном виде человека, которого похоронили три дня назад; словно подобное было для неё в порядке вещей...

– Простите меня, прошу вас! – непрерывно шептала она.

– Не проси, я не подаю! – ответил я. – Встань, убирайся отсюда!

Не промолвив ни слова, Рубаба вышла из комнаты, и через минуту я услышал, как захлопнулась входная дверь.

Я прошёл в рабочий кабинет. Закира уже не было. Я не слышал, когда он ушёл – видимо, он тихо, бесшумно прикрыл дверь.

ГЛАВА 10 Асхаби-кяхф

«Эти молодые люди приютились в пещере. Они сказали: «О Всевышний, пощади нас, укажи нам выход из этой ситуации, в которой мы оказались...» Мы погрузили их в пещере в многолетний сон. Затем разбудили их, чтобы

узнать, кто среди них сможет определить продолжительность сна наиболее точно. Все они заявили, что спали не больше одного дня.

Они провели в пещере триста лет. Аллах точно знает, сколько времени они там провели. И только Он ведаёт о невидимости небес и земли...»

Священный Коран. Сура Кяхф (18)

«Странно, что Дух не помнит свою родину и места, где он родился. Мир – это сон, закрывающий Духу глаза, подобно тучам, скрывающим звёзды».

Джалаладдин Руми

«Мы должны понять, что мир – намного шире, чем мы можем осознать. Мы обучены видеть и воспринимать мир. Но нам не сказано, что реальность, которую мы видим, всего лишь одно из средств восприятия мира... Европейское восприятие принимает лишь то, что глаза передают мозгу. Кроме этого мира, нужно уметь находиться вне увиденного, чтобы перейти в тайный мир».

Карлос Кастанеда,
Американский этнограф и писатель,
отрывок из книги «Двери другого мира»

Поменяв билет, я целый день гулял по городу. Посетил музеи Мирзы Джалила, Гусейна Джавида. А на следующий день дядя Мохсуна – Мадат-киши отвёз меня и Мохсуна на своём «Жигули» на Асхаби-Кяхф. На склоне Асхаби-Кяхф у Мадат-киши была маленькая чайхана.

– Перед тем, как взбираться на гору, отведай наш чай, – предложил Мадат-киши.

И вновь дымящийся самовар, грушевидные стаканы, крепкий чай с бархатным ароматом, лимон, ореховое варенье...

– Ну всё, браток, – сказал Мохсун, – взбираться на гору ты будешь один, без меня – я слишком устал, чтобы по горам лазать. Видишь вот эту тропу? Она приведёт тебя прямо к Асхаби-Кяхф. Он находится на самой вершине горы. Ты слышал легенду о Дагьюнусе?¹

– Слышал, – ответил я. Но проигнорировав мой ответ, Мохсун продолжил:

– Путешественники взобрались туда, и, утомившись, повалились спать, погрузились в глубокий сон. Проснувшись, они увидели, что от собак остались одни скелеты – позднее выяснилось, что они спали ровно триста лет. В священном Коране говорится: «Всевышний Аллах переворачивал спящих в Асхаби-Кяхф с боку на бок, чтобы земля не разъедала их плоти.» Смотри, не вздумай уснуть там.

---

¹ Легенда о Дагьюнусе – древняя легенда о правителе по имени Дагьюнус, который объявил себя богом.

Действительно, взбираться на эту гору было нелегко. Запыхавшись, я шагал по крутой тропе. «Эх ты, – упрекал я самого себя, – тебе всего лишь двадцать пять, но уже сейчас ты взбираешься на гору с таким трудом. Что же ты будешь делать в пятьдесят?»

Мохсун настолько подробно описывал Асхаби-Кяхф, что я сразу узнал его. С четырёх сторон он был окружён скалами, вершины которых склонились друг к другу, оставив достаточно места, куда заглядывало Небо. Я чувствовал себя будто в тендир¹ – не из-за жары, а из-за строения пещеры. У этого места была необычная аура (возможно, это связано с легендой о Дагъюнусе). Время словно замерло здесь. Оно просто-напросто исчезло. Это место предавало забвению всю прошедшую жизнь, все увиденные доселе места. Человек сливался здесь с бесконечностью и отчётливо ощущал себя маленькой крупинкой во Вселенной. С вершины скал, склонившихся друг к другу, открывалось окно к небесам, словно прокладывая путь к вратам Всевышнего.

Я уселся на землю, чтобы отдышаться, и прислонился к скале. Мои отяжелевшие веки медленно закрывались. Внезапно сквозь сон я услышал голоса:

– Куда исчез твой гость? – это был голос Мадата.

– Вернётся, никуда не денется, – ответил ему голос Мохсуна.

Во сне ли я слышал эти голоса, наяву ли? Но ведь я находился на вершине горы, а они – у подножья, очень далеко от меня. Более того, кроме этих, я слышал и другие голоса... Кто-то просил принести чаю, кто-то хотел рассчитаться, кто-то утверждал, что долг платежом красен.

Когда я открыл глаза, была уже ночь. Звёзды, «висящие на потолке» Асхаби-Кяхф, казались такими близкими, что хоть рукой достань. Никогда, нигде я не видел таких крупных звёзд.

Я встал, потянулся. В душе воцарилось какое-то странное, доселе не изведенное, незнакомое ощущение, я как будто устал, и тело заметно отяжелело.

Выйдя наружу из пещеры Асхаби-Кяхф, я остолбенел: с подножья горы до вершины, где я находился, вели ступени. Господи, откуда появились эти ступени, когда успели их проложить? Если они с самого начала были тут, то почему я их не видел? И Мохсун почему-то не предупредил меня об этом – иначе мне не пришлось бы, задыхаясь, взбираться по круче.

Я начал спускаться по ступеням. Внизу тоже всё поменялось – на месте чайханы стоял новый, красивый павильон, за прилавком которого находился тот же Мадат-киши.

Я подошёл к нему и поздоровался:

– Здравствуйте, дядя Мадат!

– Какой я тебе дядя? – взглянул он на меня с удивлением. – Мы же вроде одного возраста...

– Вы разве не Мадат?

– Ну, Мадат, и что с того? А ты кто такой?

– Не узнали меня? А где Мохсун?

– Какой Мохсун?

– Что значит, «какой Мохсун»? Разве мы не вместе сюда приехали? Ваш племянник Мохсун...

– Мохсун мой двоюродный брат, а не племянник, – нахмурился Мадат. – Он умер пять лет тому назад...

– Как это умер? Вы с ума сошли? Или издеваетесь? Может, вы пьяны?

– Это ты пьян, коль позволяешь себе такие плоские шутки.

---

¹ Тендир – глиняная куполообразная печь для выпечки лепёшек.

– Вы не Мадат – дядя Мохсуна?
– Его дядя был моим отцом – он тоже умер, в этом году...
– Я вас перепутал с ним...
– Да, многие говорят, что я очень похож на своего отца. Прямо как две капли воды... Ты знал моего отца?
– Знал, – ответил я. – Опять легенда о Дагъюнусе?
– Что?
– Ничего... это я так.
С соседнего стола позвали:
– Мадат, ну что там с чаем?
На стене висел трёхцветный флаг.
– А что это за флаг?
Мадат недоуменно взглянул на меня:
– Ты что, с луны свалился? Бредишь, что ли?
– Нет, – ответил я. – Я просто заснул в пещере Асхаби-Кяхф.
Ничего не ответив, Мадат обернулся. Я увидел в зеркало, как он приставил указательный палец к виску и покрутил. В двух шагах от него стоял мужчина лет пятидесяти. Его лицо показалось мне очень знакомым.
Внезапно я понял, что это, скорее всего, я сам.

ГЛАВА 11

Хлыст

«Ранив душу человека однажды, можно потом сотворить для него сотни раз добро, всё равно он будет мстить за прежнюю обиду. Стрелу можно вытащить из раны, но сама рана останется...»

Сади Ширази

Ахлиман по-особому готовился к Этому дню. Чёрный костюм, который был куплен специально к торжеству, он еще ни разу не надевал. А два дня назад он купил белую рубашку, красный однотонный галстук, ботинки и даже новые носки.

Накануне он постригся, а утром тщательно побрился, принял душ, надушился одеколоном. Представ в новом костюме перед зеркалом, он подмигнул самому себе, и шепнул: «Чтобы ослепли дурные глаза моих врагов!»

Разумеется, его враги будут завидовать не его внешности, а научной победе, которую он сегодня, несомненно, должен одержать. Завистников у него было хоть отбавляй, глаза бы их не видели. Но это было взаимно. И он в свою очередь намозолил им глаза. Но сегодня он покажет им, где раки зимуют.

Правда, несмотря на неопровержимые научные доказательства, как минимум трое из восьми членов Учёного совета – его лютые враги – выступят против. А в совестливости и порядочности остальных членов совета, когда дело касалось науки, он не сомневался. Одной из них была Рубаба. На самом деле, Рубаба была включена в Учёный совет по его же, Ахлимана,

рекомендации. Хотя это было до того неприятного происшествия в кинотеатре «Низами». В то время Рубаба ему очень нравилась. Наверно, он равнодушен был к ней и сейчас. Однако после случая в кинотеатре их отношения немного охладели. За всё время, пока Рубаба лежала в больнице со сломанной ногой в гипсе, он ни разу не решил навестить её.

Позднее они встречались довольно часто, однако ни Рубаба, ни Ахлиман не сочли нужным ворошить прошлое, вспоминать тот случай в кинотеатре. «Странные существа, эти женщины, – раздумывал Ахлиман, – подумаешь, положил руку ей на колено. На самом деле, женщина должна гордиться своей сексуальной привлекательностью. А наши женщины, наоборот, смущаются, отталкивают тебя, когда к ним тянешься. Ханжество, да и только!»

Ведь доказано же Фрейдом и учёными-фрейдистами: девяносто процентов женщин в своем подсознании мечтают о том, чтобы чувствовать на себе груз мужчины, самца – во всех смыслах этого слова. Или же, наоборот – погружать, растворять себя в мужском начале.

В просматриваемых им время от времени самиздатских книгах, хранящихся на полках его домашней библиотеки, иллюстрировались сотни невероятных поз совокуплений. Но как бы то ни было, сейчас не время загружать голову ненужными, посторонними мыслями. Его невиданная, безоговорочная научная победа также откроет ему путь к сердцу любой женщины, которую он пожелает.

Всё шло так, как было задумано и запланировано. Он выступил просто превосходно, продемонстрировав все возможности своей научной логики и красноречия. Наверное, впервые за всю деятельность Учёного совета ему так громко и продолжительно аплодировали. Даже маститый учёный Гафарзаде в своём выступлении отметил:

– Это очень ценное исследование! Такое серьёзное отношение к оккультизму мы видим впервые. При советской власти подобное отношение называли бы идеализмом и мракобесием. Но сейчас, слава богу, мы можем относиться к каждому вопросу осознанно, с научной точки зрения.

Все подходили к нему, пожимали руку, поздравляли, наиболее близкие товарищи справлялись о банкете...

Голосование было тайным, и через полчаса были объявлены результаты: все восемь членов Учёного совета проголосовали «против». Возможно, каждый из них подумал: «Дай-ка я проголосую против, отведу душу – все остальные, надеюсь, проголосуют «за» и не лишат нас банкета».

Среди проголосовавших «против» был и маститый учёный Гафарзаде, который громче всех заливался хвалебными одами в его адрес. И Рубаба... Рубаба, которую он включил в учёный совет!

Когда объявлялись результаты голосования, Ахлиман внезапно почувствовал острую боль в спине. Это была жгучая, невыносимая боль от хлыста. Точно такую же боль он чувствовал в детстве, когда отец хлестал маленького Ахлимана по спине своим кожаным ремнём с железной бляхой. Отец бил его ремнём, а жену награждал оплеухами и тумаками. «Не бей, прошу тебя, умоляю, не бей!» – причитала его мать, когда муж бил её или сына. Её мольбы всё ещё звучали в ушах Ахлимана. А маленький Ахлиман не издавал ни звука, что злило его отца ещё сильнее:

– Что ты уставился на меня, щенок... – и давай хлестать ремнем. («Не бей, прошу тебя, умоляю, это же ребёнок, пожалей его, не бей!»).

От ударов ремнём на его спине оставались красные полосы.

– Сучье отродье, что ты уставил на меня свои поганые глаза? Я его наказываю, а ему хоть бы хны... Мало тебе?! Вот, получай ещё! – и удар за ударом.

С тех пор он возненавидел своих родителей; отца – за жестокость, а мать – за покорность...

Боль в спине напоминала ему не только избиения отцом, но и другие воспоминания детства, и ему казалось, что с верхнего этажа ему на голову выливают воду – но не холодную, как в детстве, а горячую, кипятком.

У него не было ни малейшего желания слышать чьё-либо лицемерное утешение, лживую поддержку. Бросив на всех презрительный, ненавистный взгляд, он ушёл, ни с кем не попрощавшись. Он был в ярости, по дороге он готов был задушить каждого, кто попался бы ему на пути.

Придя домой и достав из холодильника бутылку водки, он поставил её на стол. Хотелось выпить, забыться...

Ему вспомнилось древнее баяты:

Сколько ни пил, чтоб забыться,

Не покинуло горе меня.

И тут же вспомнил первую строку: «Хлестнул буланого коня...»

Его тоже сегодня хорошенько хлестнули, причём, в спину... Нет, нельзя сдаваться. Выпивать, чтобы забыться – это удел слабых. К чёрту, не буду пить! Я им всем отомщу – каждому по отдельности.

Зазвонил телефон. Он не стал поднимать трубку. Знал, что звонящий станет неискренне утешать его – «Не бери в голову, образуется» – или ещё хуже, начнет тонко, садистски издеваться. «Плевать я хотел на них!» Лица присутствующих на заседании одно за другим предстали перед его взором. «Учёными зовутся, подумать только... Этот ещё, носатый, вчера только с дерева спустился, прибыл в Баку, человеком стал. До сих пор не может выговорить фразу «потому что» – всё «бадамуста», да и только. Или же другой грамотей, это быдло: для него что «размышлять», что «размюслить», так и произносит, кретин, а еще русскоязычный. В гробу я видал вас всех!»

Все же он выпил, настроение заметно улучшилось и от водки и от воспоминаний о болванах, окружавших его. Он улыбнулся.

Включил телевизор. Уже который день он смотрел футбол. Легендарная сборная Бразилии была безнадежно разгромлена немцами со счётом 7-1, а затем проиграла голландцам со счётом 3-1. А сегодня был финал, и сборная Германии, разбившая бразильцев, на этот раз выигрывала у сборной Аргентины. Больше всего радовались этому... совершенно верно, бразильские болельщики. Они радовались не победе Германии, разгромившей их сборную с неприличным счётом; они радовались поражению аргентинцев. Комментатор, объясняя ситуацию, говорил: «Эти две крупнейшие страны Южной Америки постоянно ведут соперничество, поэтому бразильцы празднуют поражение сборной Аргентины.»

Ахлиман задумался – значит, не только люди завидуют друг другу. Зависть бывает и между странами, они ненавидят друг друга, радуются поражениям и бедам страны-соперницы.

Здоровой конкуренции не бывает – бывает враждебное соперничество, вызванное патологической завистью. Все люди – ВСЕ, ДО ЕДИНОГО – завидуют друг другу. Все желают друг другу зла. Одним самцам претят успехи других, а те злорадствуют и рады неудачам первых... Некоторые женщины завидуют более красивым женщинам, а красивые женщины свысока смотрят на тех, кто уродливее их.

Впав в прострацию от пережитого на защите шока и выпивки, Ахлиман заснул, сидя в кресле, и крепко проспал до самого утра. Даже телевизор, который он забыл выключить, ночью не мешал ему.

В течение полугода после злосчастного заседания практически все члены Учёного совета подверглись различным неприятностям. У кого-то случился инфаркт, кого-то разбил паралич, кого-

то ударил инсульт и он потерял дар речи (пытался объясниться жестами, но безуспешно), чья-то жена подожгла себя на почве ревности, кто-то задохнулся в ванной комнате от угарного газа...

Закир полностью отошёл от научных работ – ни с кем не здоровался, не разговаривал, всех избегал, стал домоседом. Рассказывали, что он заболел психическим расстройством и попал в сумасшедший дом. О дальнейшей его участи Ахлиман ничего не знал. Рубаба вышла замуж за своего дачного соседа-вдовца, и они уехали за границу на постоянное жительство. Её дальнейшая судьба также осталась неизвестной.

ГЛАВА 12

Карма

«Видеть. Можно сказать, что в этом вся жизнь, если не в конечном счёте, то, во всяком случае, по существу. История живой природы сводится к созданию – в недрах космоса, в которых можно различать всё больше, – всё более совершенных глаз. Со дня появления на свет человек разглядывает самого себя, и это созерцание длится тысячелетиями. Постепенно он начинает видеть окружающий его мир. Удивляться медлительности этого процесса не приходится – нередко гораздо сложнее видеть то, что на первый взгляд, является вполне заметным».

ПЬЕР ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН,
французский философ
«Феномен человека»

Я смутно помню, что когда-то побывал в Нахчыване. Но в каком году это было, с кем я ездил туда, что я там видел, с кем встречался, с кем познакомился – ничего этого я не помню.

Я помню, с каким трудом, еле переводя дыхание, взбирался к пещере Асхаби-Кяхф, но то состояние, которое я пережил, пребывая в том сакральном месте, и после – как вернулся обратно, было полностью покрыто мраком в моей памяти: что это было – сон, или явь? Неужели я очутился в совершенно ином временном измерении? Или это была реальность, преломленная в моем воображении, как в кривом зеркале? А может, это всё мои фантазии, превратившиеся в реальность? Не знаю, и наверно, никогда не узнаю. Знаю только то, что Асхаби-Кяхф находится в Нахчыване, значит, я действительно когда-то побывал в Нахчыване...

Пытаясь отрывочно возродить пейзажи Нахчывана в своей памяти, я почему-то воспринимал этот край, скорее как мистическую, волшебную, сакральную местность. Словно в те дни, которые я провёл там (несколько дней, месяц, или год – точно не могу сказать), тайны Вселенной становились очевидными для меня, я видел и ощущал некоторые вещи более отчётливо.

Я мало-мальски ознакомился с западной философией – от ясного, чёткого мышления Декарта до туманных, эзотерических представлений Сведенборга, от пессимистичных размышлений Шопенгауэра до учений экзистенциалистов XX века об отчуждении, пограничной ситуации, когда человек оказывается перед выбором. В один прекрасный день словно кто-то подтолкнул меня, побудив серьёзно увлечься восточными философскими и религиозными

учениями. Я ознакомился с древнеиндийскими письменами, китайской философией, вник в недра параллельного мира, отличающегося от того, в котором я жил, осознавал и видел собственными глазами. Оказалось, что наша привычная логика в том параллельном Мире не срабатывает, здесь полностью отличаются временные и пространственные измерения. В том Мире нет ни Прошлого, ни Будущего, ни Настоящего... И вообще, понятия Времени в том Мире не существует... Есть только Вечность, превалирующая над понятием времени. Я понял, что объяснять явления, жизнь, вселенную и мир лишь только логикой невозможно. А понять, осознать Человека невозможно вдвойне.

Говоря современным языком, заведующий кафедрой Багдадского вуза, профессор Аль Газали однажды бросил работу, и, отказавшись от всех своих званий и привилегий, увлёкся истиной суфизма, удостоверившись в необходимости восприятия мира не только разумом, но также ощущениями и интуицией.

После встречи двух великих личностей Востока – известного шейха мистицизма Абу Сеида и гениального учёного и лекаря Авиценны, шейх заявил: «Он знает то, что я вижу». А Авиценна сказал: «Он видит то, что я знаю».

Ислам не отрицает здравомыслие – однако, он полагается не только на разум, но и на ощущения, указывая два пути восприятия мира: мудрость и влюблённость.

Среди прочитанных мной книг меня больше всего привлекло понятие КАРМА в древнеиндийской философии... Карму можно перевести и как «провидчество» – но это будет не совсем точным переводом. Карма – это расплата, причинно-следственная связь, возможно, основной и фундаментальный закон существования. Согласно карме, человек расплачивается за все свои деяния, подвергается возмездию за всё Добро и Зло, которые он пережил в нынешней и иной жизни. Если принять этот закон как должное, всё необъяснимое становится объяснимым. Каждая несправедливость по отношению к человеку в нынешней жизни является возмездием за ту несправедливость и жестокость, которую этот человек проявлял к кому-то в жизни иной. Доброта или зло, причинённое в предыдущей жизни, даёт свои плоды уже в нынешней. Как говорится, «что посеешь, то и пожнёшь» ...

Остаётся лишь верить в то, что со смертью живого существа его жизнь не заканчивается. Монотеистические религии сулят нам Судный день и Воскрешение, а также рай и ад в потустороннем мире. Основная вера в индуизме и буддизме – это понятие реинкарнации: вера в неоднократную жизнь каждого живого существа в различных формах и проявлениях.

Согласно экзистенциализму, человек сам предопределяет свою судьбу, своё будущее. Окончательный выбор остаётся за самим человеком. В таком случае, возникает вопрос: если человек живёт в НЫНЕШНЕЙ жизни праведно, и придерживается высоких идей, то почему он должен расплачиваться за злодеяния, совершённые в иной жизни? Исповедь – если она искренна – удерживает человека от повторения его прошлых ошибок, но не может избавить его от ответственности за злодеяния в прошлой жизни.

Совершая злодеяние, человек причиняет зло и себе, и, соответственно, – всему человечеству. Этот закон относится не только к отдельным индивидам, но и к государствам и странам. Страна, проявляющая агрессию по отношению к другой стране и её народу, подвергает несчастьям и свой народ. В Ветхом завете воспеваются жестокость и беспощадность ко всем враждебным народам и расам. Однако подобная нетерпимость дорого обошлась её приверженцам – на них обрушились бесчисленные несчастья, что известно из истории.

Карма объясняла мне исторический ход и логику не только человеческой жизни, но всех существ. Правда, она не указывала мне путь избавления от грехов прошлого...

«Верни рыбу в море, рыба не оценит, Халык оценит»¹ – этим ли принципом нужно руководствоваться в жизни? В дзен-буддизме я вычислил наиболее усовершенствованную формулу нравственности: если человек, совершая добродетель, думает о том, что взамен ему воздастся, значит, за этой добродетелью стоит определённая корысть. Полностью бескорыстной добродетель может считаться лишь тогда, когда человек не станет думать о том, что ему воздастся взамен.

Я не знаю, жил ли я когда-либо в прошлом, не знаю, считается ли новой жизнью то, что определённые годы моей жизни полностью стёрлись из моей памяти – я знаю лишь то, что в жизни, которой человек живёт в настоящее время, он должен служить исключительно Добру.

А как насчёт жестокости, которой я подвергался в детстве; страхов, пережитых мной в школьные годы; одиночества во время учёбы в институте; безразличия или коварства женщин, неблагонадёжности друзей? Их-то я не запомнил – несмотря на все свои попытки, я не смог забыть обо всём этом. Прав был тот, кто сказал: «Забудь про зло, которое тебе причинили – но не забывай имена тех, кто его тебе причинил.» Некоторые воспоминания до сих пор мучают меня: холодная вода, что выплескивали мне на голову в мороз, следы от отцовского ремня на моей спине... Плюс моральные травмы – вероломство людей, с улыбкой жавших мне руку, коварство самого близкого мне ученика, жестокость отца, мольбы матери, ложь и клевета, с которой я сталкивался всю свою сознательную жизнь, несправедливости, отравляющие мою жизнь даже не ежедневно, ежечасно, ежечасно... Неужели всё это должно сойти им с рук?

А разве это сошло с рук Насибу, который по-садистски унижал и мучил меня при первой возможности, выливал воду мне на голову? В одно мгновение он погиб... ужасная смерть. Порой мне казалось, что в его гибели виноват я. Отец всегда говорил, что у меня дурной глаз...

С тех пор я начал думать о глазе, о его свойствах и силе его воздействия: дурной глаз, сглаз, положить глаз, для отвода глаз, не в бровь – а в глаз, с глаз долой – из сердца вон! Не зря ведь сказано всё это...

Я вспомнил строки из баяты:

Кто-то глаза на тебя уставил,

Следы от взглядов своих оставил...

Теперь эти строки я воспринимал не как оригинальную метафору, а как влияние на человека реальных взглядов. Я интересовался также цитатами из мировой литературы о влиянии глаза. Как-то я листал книгу европейских монахов-инквизиторов XV века Генриха Иститориса и Якоба Шпренгера, и моё внимание привлекли такие строки:

«Болезни некоторых людей связаны с тем, что их завистники смотрят на них дурным взглядом. Злоба и ненависть концентрируются в их глазах, так как глаза – это самый чувствительный орган, вобравший человеческие воображения и ощущения. Выражение глаз является показателем человеческого настроения. Некоторые люди обладают дурным глазом отроду, иные приобретают эту черту со временем. Дурной глаз влияет не только на объект, на который он смотрит, а на всю ауру определённого пространства. Сила воздействия дурного глаза очень велика. Один лишь взгляд дурного глаза способен сразить верблюда. Люди, обладающие этой чертой, глядя на определённого индивида – человека, которому желают зла, чувствуют напряжение в своём теле, и это напряжение исходит из их глаз. В такие моменты влияние дурного

---

¹ Халык – букв. Творец, одно из 99 имен Аллаха. Однако, существует иное поверье: Создатель спросил пророка Адама: «Сколько у меня имен?». На что Адам ответил: «Все – имя твое, Господь мой!», то есть, все, что Ты создал – это и есть Ты сам.

глаза может даже с определённого расстояния привести к смерти, несчастью, неизлечимой болезни или неожиданной неприятности человеку, на которого глаз устремлен.»

Читая книгу монахов, я вспомнил пожелание: «Убереги тебя Аллах от дурного глаза».

Значит, уберечься от дурного глаза вполне возможно, и от этой неприятности есть панацея. Индуизм и дзен-буддизм, философия экзистенциализма обучили меня уповать не только на Аллаха, и утвердили выбор поведения человека по его собственной воле, и, делая из этого вывод, я начал искать пути защиты от дурного глаза. Я познакомился с экстрасенсами и их методами, серьёзно задумался о гипнозе и колдовстве, провёл исследования о сущности святынь, святых мест-пиров, проанализировал народные поверья против порчи и сглаза.

И на этом поприще у меня были определённые успехи: я предотвратил несколько катастроф, спас нескольких людей от влияния дурного глаза. Мне казалось, что я нахожусь буквально в шаге от того, чтобы найти панацею от дурного глаза, вызванного прежде всего гнусными человеческими качествами – ненавистью, злобой, гневом, завистью. Я не собираюсь комментировать свои методы, дабы не провоцировать преждевременно к действиям людей, обладающих дурным глазом. В народе говорят: не буди спящего. От полного успеха меня отделял всего лишь один шаг, последний шаг...

ГЛАВА 13

Айдан

«Поначалу любовь – это шутка, но в итоге она превращается в серьёзное дело. Встретив красоту, душа начинает присматриваться к ней, и, заметив близкие себе черты, появляется желание сойтись, и рождается истинная любовь. Любовь – это болезнь, обессиливающая человека, но её лечение кроется в ней самой».

Ибн Хазм, арабский мыслитель XI века,
отрывок из произведения
«Голубиное ожерелье»

«Как рождается в душе любовь? Всё начинается с восхищения. Человек думает: каким огромным счастьем было бы – целовать её. Так рождается надежда – почин любви.

Не то счастье, что не оставляет воспоминаний о себе...»

Стендаль, французский писатель,
«О любви»

Меня разбудил Лунный свет. Я взглянул на часы, что поставил рядом с кроватью – было десять минут четвёртого утра. Полная луна освещала сквозь окно крупный амулет, висящий на стене.

Внезапно словно кто-то заставил меня встать с постели и направиться к двери балкона. Подойдя к двери, я вздрогнул. По ту сторону закрытой стеклянной двери стоял человек, приставив лицо к стеклу – зрелище было ужасным. Челюсть, нос и губы на лице сплющились, прямо как в кривых зеркалах, но я сразу узнал её: это была Айдан, дочь соседа. Мы изредка встречались во дворе, и молча, улыбкой приветствовали друг друга. Но удивление моё прошло через мгновение – я всё понял.

Она стояла с закрытыми глазами. Выходит, эта девушка – сомнамбула, то есть лунатичка. Мы были соседи по лестничной площадке, и из своей квартиры, она проникла сюда под притяжением Лунного света. Айдан переходила с одного балкона на другой, преодолев проход до того узкий, что два человека не могли бы разминуться, шла тихо, медленно, шаг за шагом.

Айдан всё ещё была во сне. Сначала я решил открыть дверь, втащить девушку внутрь, разбудить и провести по коридору в их квартиру, но сразу же понял, что этого делать нельзя: если я открою дверь, она проснётся и, не дай Бог, может упасть с третьего этажа и разбиться. Оставалось только смотреть друг на друга через стекло. Точнее, это я смотрел на неё. Её глаза были закрыты. Она чуть отстранилась от стекла, сплющенные черты лица обрели обычную форму, и она стала прежней красавицей. Не знаю, с чего мне в голову пришла эта странная метафора, но я уподобил её перевернутому восклицательному знаку. Тело у неё было худое, прямое, плоское, а голова – круглая, словно многократно увеличенная точка... Чёрные волосы подобно водопаду, лежали на плечах. Её глаза обычно выглядели задумчивыми, слегка печальными. Увидев её во дворе, я с восхищением глядел, как она плавно двигается, и вспоминал строки из эпоса «Китаби-Деде Горгуд»: «Твой стан подобен кипарису, чёрные волосы обвиты вокруг щиколоток, алые щёки – словно кровь на снегу, губы мельче миндального ядра». Про себя я называл её Банучичек¹ – хотя знал, что её зовут Айдан.

Я боялся. Молил бога, чтобы она не проснулась, а вернулась домой так же, как пришла, – движимая притяжением Лунного света. Завтра я обязательно поговорю с её родителями, чтобы они предприняли что-нибудь; интересно, они сами знают об этой болезни дочери?

Мы стояли лицом к лицу несколько минут. Я приставил щеку к стеклу и закрыл глаза. Холод стекла отрезвил, оторвал меня от тепла, что, казалось, излучала её красота. Я словно чувствовал гладкость и прохладу её щёк по ту сторону стекла. Вспомнил строки из стихов:

Как снег, холодны твои щёки,

А на губы слетаются пчёлы...

Действительно, её губы были похожи на цветочные лепестки, на которые слетаются пчёлы...

Я отошёл от стекла и открыл глаза: она стояла без движения. Интересно, что же ей снится? И вообще, видят ли сны в таком состоянии? Я мечтал о том, чтобы эти чудесные, невероятные мгновения продлились до бесконечности... Она была сейчас так близка мне и в то же время так далека... Так же, как Луна. Это была Сомнамбула – мифическое создание, присланное мне Луной на одну ночь.

Я очень боялся... Боялся, что она проснётся и уйдёт, и счастье растает, и я потеряю его так же мгновенно, как и нашёл. Мои веки словно отяжелели, я больше не мог смотреть. А закрывать глаза я не решался – боялся, что она проснётся, когда у меня глаза будут закрыты, и упаси Господь, случится несчастье.

---

¹ Банучичек – героиня эпоса «Китаби-Деде Коркут». Это описание её красоты со слов её жениха Бейрека.

...Она отошла от двери, и медленно, как младенец, едва научившийся ходить, шаг за шагом, направилась по узкому проходу к своему балкону. Приставив лицо к стеклу, я долго глядел ей вслед... И только после того, как она дошла до своего балкона, я успокоился и перевел дух...

Я открыл дверь балкона. Комнату заполнил аромат свежескошенной травы. Это был аромат Айдан – естественный аромат, далёкий от запаха каких-либо модных духов. Он исходил от двери, к стеклу которой она прислонялась. Айдан ушла, но её аромат остался.

Я гладил стекло двери, согретое дыханием Айдан, и глядел на Луну. Сколько тайн в себе таит эта планета, это небесное тело, которое безразлично глядит на Землю, принимая форму то круглого блина, то срезанного ногтя. Аромат Айдан, казалось, исходил и от Луны.

Что же это было, господи? Неожиданный, невероятный, невиданный визит... Визит гостя, прибывшего из какого-то тайного, волшебного мира.

Сомнения мучили меня. Поговорить ли завтра с её родителями? Безусловно, девушка нуждается в лечении, иначе это может обернуться бедой. Но от одной мысли о том, что это чудо никогда больше не повторится, что она никогда больше не приставит лицо к двери моего балкона, что аромат свежескошенной травы не будет заполнять мою комнату, меня охватывало странное чувство печали. Я не мог заснуть

до самого утра. Я сравнивал Айдан со всеми девушками, женщинами, когда-то бывшими в моей жизни, и вообще, со всеми людьми, с которыми я был знаком, и ощущал не испытанные доселе чувства. В моей душе царили нежные ароматы, чудные мелодии, строки прекрасных стихов. Слово кто-то нежно шептал мне в ухо строки:

В безнадёжности пылу
Эта радость появилась...
Развеивая грусти мглу,
Ночью лунною искрилась.

Ночью, что дарила мне
Неожиданное счастье...
В этой грустной тишине,
Что полна любви и страсти.

ГЛАВА 14 Встреча со Шрамом

«Сверкнет молния, прогремит гром, произойдёт разрушительное землетрясение, сильнейшее за всю историю человечества. Большой город разломится втрое, исчезнет большой остров, горы сравняются с землёй. В те дни люди будут искать смерти, но не найдут, пожелают умереть, но не смогут. Я увидел новое небо и новую землю, так как старого неба и старой земли уже нет, моря тоже нет».

«...Именно с этим связана метафора, создаваемая поэтами. Ниобея вначале потеряла семерых сыновей, а затем – семерых дочерей, и превратилась в скалу. Этим поэты хотят сказать, что тяжёлое горе не только сковывает человека, парализуя его – оно даже может превратить человека в камень или скалу. Когда в нашей душе царит нестерпимая боль, мы не можем говорить, и не в силах выражать свои чувства вздохами, стонами, воплями... В такие моменты душа человека обретает лишь глубокую тишину. Горе, которое можно выразить словами и которым можно поделиться с другими, не является искренним. Настоящая боль нема».

Мишель Монтень, французский философ,
«Опыты»

«Покой и даже смерть для человека дороже
свободного выбора между Добром и Злом».

Ф.М.Достоевский
«Братья Карамазовы»
(Великий инквизитор)

Около десяти часов утра на мобильный телефон Ахлимана пришло сообщение. Полковник Гасым Шейдаев просил позвонить ему по указанному номеру. Имя и фамилия полковника показались знакомыми Ахлиману, но он никак не мог вспомнить, кто это такой. На всякий случай он сохранил этот номер на своем мобильном телефоне и сразу набрал. Ответили тут же:

– Здравствуйте, Ахлиман-муаллим.

– Здравствуйте. Вы прислали мне сообщение?

– Да, я. Мы должны встретиться с вами по очень важному делу.

– Вы – это кто?

– Узнаете при встрече. Можете приехать к нам к шести часам вечера? Адрес я сейчас отправлю на ваш телефон.

Не дождавшись ответа, собеседник дал отбой. Спустя некоторое время на дисплее появился адрес.

Без десяти шесть вечера Ахлиман стоял возле больших железных ворот. Он нажал на кнопку звонка, и на видеофоне появилась чья-то голова:

– Ахлиман-муаллим?

– Да.

– Входите!

Створы ворот покатались на рельсах в разные стороны. Ахлиман вошёл во двор. На просторной площадке двора стояли заграничные автомобили: «Форд», «Фиат», «Мерседес», «Бентли», «Шевроле», «БМВ». Он насчитал там девять машин.

По ту сторону двора стоял трёхэтажный дворец. Именно дворец – назвать это здание по-другому было невозможно. На разных уровнях расположились балконы, застеклённые галереи, эркеры, лоджии... Возле дверей стоял человек, которого он видел на видеофоне. Встретив Ахлимана, он проводил его на второй этаж. Проходя в просторный зал через широкое фойе, Ахлиман услышал характерный звук игральных костей-зар.

В зале сидели двое мужчин и играли в нарды; один из них был достаточно пожилой, а другой – сравнительно моложе, приблизительно шестидесяти-шестидесяти пяти лет. Кажется, Ахлиман когда-то видел этого пожилого мужчину – сосредоточившись, он вспомнил: кажется, он когда-то жил по соседству с ним. Это был тот самый полковник, который звонил Ахлиману. Полковник был в белой рубашке и подтяжках, поддерживающих его форменные брюки с лампасами, на ногах была мягкая обувь коричневого цвета. Его товарищ был в тёмно-синем костюме и в галстук под цвет костюма.

Когда Ахлиман вошёл, они оба встали.

– Полковник Гасым Шейдаев, – сказал пожилой, протягивая руку, – кажется, мы знакомы.

Другой мужчина тоже протянул руку, но не представился. Ахлиман заметил на его правой щеке глубокий шрам.

– Садитесь, – предложил Гасым, – сейчас я разнесу генерала в пух и прах, и мы побеседуем.

Сказав эти слова, он ослабил, как человек, разбрасывающийся плоскими, неуместными шутками и взглянул на генерала.

Генерал никак не среагировал на слова полковника.

– Давай, бросай! – промолвил он приказным тоном.

– Шесть-три...

Полковник сделал ход. Теперь очередь за генералом.

– Четыре-два...

Со скрипом открылась боковая дверь. В комнату вошла женщина в чёрной одежде. Голова у неё была покрыта чёрной шалью, а в руках она держала поднос с тремя стаканами чая, вареньем, конфетами, сахаром и лимоном. Сняв с подноса стаканы с чаем, она поставила их перед Гасымом и Шрамом, даже не взглянув на них. Но когда женщина ставила стакан перед Ахлиманом, она успела бросить на него взгляд, и выражение её лица внезапно изменилось. Женщина уронила стакан, пролила чай на Ахлимана, а стакан разбился вдребезги на полу. Она что-то еле слышно шептала про себя, но Ахлиман отчетливо слышал её слова:

– Убийца, подлый убийца! – шептала она. – Убийца моего единственного ребёнка...

Резко повернувшись, женщина вышла из комнаты, даже не попросив прощения за разлитый чай. Вместо неё извинился Гасым, однако ни полковник, ни генерал не удивились поведению женщины.

– Не обращайтесь внимания, – сказал Гасым, – много лет назад мы потеряли нашего ребёнка в автомобильной катастрофе, теперь жена считает убийцей каждого человека, которого она видит впервые. Да, генерал, повезло, две пятёрки – твоё спасение.

Сдвоив зары, генерал бросил:

– Вот и две пятёрки!

– Ну, молодец, генерал, поздравляю! Опять ты победил меня, закончил «марсом»¹. – сказал Гасым.

Закрыв нарды, он отложил их в сторону. Открылась дверь. В комнату вошла молодая девушка – видимо, служанка – и поставила перед Ахлиманом стакан с чаем.

– У каких врачей мы только ни были – здесь, в Москве, в Турции, в Иране, даже в Израиле, но всё без толку, – было непонятно, кому Гасым говорит эти слова: Ахлиману, или человеку со шрамом. – Стоит ей увидеть где-то зеркало, так ей сразу чудится в нём наш ребёнок – живой, здоровый.

Ахлиман только сейчас обратил внимание, что на трюмо, стоящее в правом углу комнаты, наброшено тёмное покрывало.

Полковник встал:

– Извините, – сказал он, – пойду, успокою жену.

Он вышел из комнаты. Человек со шрамом обернулся к Ахлиману – теперь его шрама не было видно.

– Полковник пригласил вас по моей просьбе, – сказал он. – Мы располагаем определённой информацией о вас. Мы даже знаем, что вы имеете зуб на некоторых своих коллег, в частности, на профессора Гафарзаде.

Ахлиман внимательно слушал собеседника, пытаясь понять, к чему он клонит.

– Мы работали вместе с отцом Гафарзаде – Зелим-киши. Разумеется, в то время он был уже стариком, а я – молодым сотрудником. Он давно умер, поэтому можно раскрыть карты. Он работал в секретном отделе нашей организации и был невероятно жестоким человеком. Поэтому мы звали его не Зелим, а Залым². А его сына мы называли Залым-оглу³.

Ахлиман не слышал об этом, но прозвище Залым-оглу ему понравилось: при случае можно будет назвать Гафарзаде Залым-оглу.

– Дело в том, – продолжил человек со шрамом, – что Залым-оглу досталось ценное наследство от отца. Точнее сказать – бесценное. Вещь настолько дорогая, что даже специалисты затрудняются его оценить. Это очень дорогой, уникальный ковёр. Говорят, он был соткан ещё при шумерах. Честно говоря, это неправдоподобно, так как древнейший в мире ковёр – это Пазырыг, которому тысяча лет. Допустим, ковёр, доставшийся в наследство, древнее – пусть ему будет тысяча двести или тысяча триста лет. Все равно: где – шумеры, где – эти века... Несопоставимо... Но дело не в этом. Вы знаете английский?

– Знаю.

– В США вышла книга, в которой подробно описано, как этот ковер переходил из рук в руки на протяжении сотен лет. Разумеется, они тоже не обладают информацией о древнейших эпохах. А нам известны точные данные касательно того, через чьи руки прошёл этот ковёр за последние лет сто. В начале прошлого века некий бакинский миллионер купил этот ковёр на Тебризском базаре, и привёз в Баку. В 20-е годы большевики расстреляли миллионера и конфисковали всё его имущество. А ковёр присвоил двадцатипятилетний чекист Зелим Гафарзаде.

Ахлиман рассматривал безвкусные узоры на стенах, оформленных в стиле восточных бань, громоздкую хрустальную люстру в сто свечей, посуду с золотистой и серебристой каймой, расставленную на полках серванта, и статую вставшей на дыбы лошади на серванте, пытаясь

¹ Марс» в игре в нарды – двойная победа, победивший зарабатывает сразу два очка.

² Залым – жестокий, беспощадный.

³ Залым-оглу – сын злодея.

понять, какое к нему имеют отношение эти разговоры о ковре, и почему генерал рассказывает ему об этом.

– Для чего я вам рассказываю об этом... Сейчас объясню. Нам известно, что вы занимаетесь гипнозом, ваши глаза обладают сверхъестественной силой. Это не моё личное мнение. Так вот, многие известные ученые-специалисты со всего мира подтверждают, что узоры на этом ковре, которых не встретишь ни на каких других коврах, являются ключом к великим тайнам. Короче говоря, – человек со шрамом начал говорить шёпотом, – эти узоры дают информацию о конце света. Вы, наверняка, помните, какой ажиотаж и скандал вызвали слухи о наступлении конца света по календарю Майя. По полученным нами агентурным данным, Гафарзаде, опираясь на многолетние исследования, намеревается раскрыть секреты этих узоров, то есть объявить дату конца света. Разумеется, мы прекрасно понимаем, что это чушь собачья, но ведь найдутся многие, кто поверит. Непредсказуема реакция на эту чушь, и вообще, когда он наступит, этот конец света – через сотни, тысячи лет, либо в течение одного месяца, или одного дня... Теперь подумайте: распространятся слухи, что до конца света осталось всего ничего – месяц-другой. Вы можете себе представить, какой переполох, какую панику вызовут эти слухи в обществе? Люди, которые и без того готовы сожрать друг друга, вцепиться друг другу в глотку, начнут повсеместно воровать, убивать, насиловать, думая: «Всё равно скоро конец света!». Вы этого хотите?

– Нет, конечно, – ответил я, хотя в глубине души мне импонировала такая перспектива: ну и пусть, пускай люди грызут, убивают друг друга, ведь лучшей участи эти жалкие существа не заслуживают. С другой стороны, – подумал я, – и без всяких ковров, можно считать, что конец света уже наступил... Человечество погрязло в жестокости, несправедливости, лжи, лицемерии и всевозможных пороках – не это ли наибольшая вина человечества, наибольшее наказание для людей?

– А что вы от меня хотите? – спросил я.

– Я знаю, это будет нелегко для вас, но постарайтесь под каким-либо предлогом увидеться с Гафарзаде. Обезвредьте его, сломите его волю, подчините себе его мысли, действия, поступки, принимаемые им решения. Необходимо уничтожить и этот злосчастный ковёр, который испокон веков приносил людям несчастья, смерть, страдания. Неважно, какова его цена – уж точно не дороже человеческой жизни. Причём, речь идёт не об одном человеке – это касается всего человечества. Я еще не говорю о глобальной, всемирной стороне этой проблемы. Даже думать не хочется о том, какую суматоху могут создать в нашей стране внешние вражеские силы, пользуясь этим ковром – этот фактор тоже нельзя исключить. Теперь всё зависит от вас, мы не видим другого решения вопроса. Гафарзаде находится также в центре внимания всемирной прессы, посольств различных государств, находящихся в нашей стране. Вы – наша единственная надежда, чтобы укротить его.

Вошёл Гасым. Видимо, он почувствовал, что наша беседа завершена.

– Освежить вам чай?

– Нет, спасибо.

– Может, ещё партию в нарды, генерал? Небось отыграюсь, отомщу...

– Нет, мне нужно идти, – ответил человек со шрамом. – Долг платежом красен, отомстишь мне в Судный день, отыграешься, – сказал он, смерив Ахлимана многозначительным взглядом.

Первым из зала вышел Ахлиман. Швейцар проводил его до дверей. Нажал кнопку, ворота открылись, Ахлиман вышел. Он уже отошёл от дома на приличное расстояние, а беседа

полковника со Шрамом (как для себя назвал человека с изуродованным лицом Ахлиман) слышалась ему настолько внятно, словно они разговаривали буквально в шаге от него:

– Ну что, согласился?

– По-моему, да. Пусть выполнит задание, а ликвидировать его самого будет уже нетрудно.

Ахлиман поражался тому, насколько четко он слышал беседу, которая велась вдали от него. Он не мог объяснить причину этого, но думал о том, что если мы можем слышать на большом расстоянии по телефону или радио голоса людей, то почему человеческое ухо должно быть обделено этой возможностью? По крайней мере, хотя бы некоторые люди должны обладать такой способностью. Возможно, я один из таких необычных людей. Выходит, не мне одному известна сила воздействия моих глаз – об этом знают и другие, и более того, хотят воспользоваться этим. Ну и пусть... Пускай они играют в свои игры, а я поступлю так, как считаю нужным. Посмотрим, кто кого оставит с носом. В этом деле меня привлекает, что я могу расквитаться с Гафарзаде; многие из тех, кто наносил мне удар в спину, были наказаны, теперь очередь за Гафарзаде. Прозевать такую благоприятную возможность я не имею права.

ГЛАВА 15 Лунный танец

Любимая пришла тайком,
Однажды тёмным вечерком.
Лик её сиял луною,
Светящейся над головою.

Низами Гянджеви

Любовь внезапно явилась в
ночь,
и так же внезапно исчезла...
Вся жизнь моя умчалась прочь,
Я толком и жить не успела...

Ага Бейим Ага

Со дня появления Лунной девушки в моей квартире прошёл месяц. За это время я ни разу её не видел. Каждый раз, когда я выходил во двор, мои глаза искали её, но мы с тех пор так и не встретились. Может, она заболела? Может, родители узнали о странности дочери, и теперь занимаются её лечением? Проблема была в том, что я никак не решался поговорить с ними об этом.

В глубине души я боялся встречи с ней днем, при солнечном свете. Она была бесподобна как ночная гостья, как Лунатичка, и, несмотря на её писаную красоту, при солнечном свете она могла бы стать в моих глазах вполне обычной девушкой.

Наступило полнолуние. Я знал, что именно на этой фазе Луна призывает к активности лунатиков-сомнамбул силой своего притяжения и регулирует их самые рискованные действия...

...и руководствуясь странным желанием, я, пребывая в тревожном ожидании и в то же время неуверенности, оставил дверь балкона открытой. Сна не было ни в одном глазу. Усевшись в

мягкое кресло напротив балкона, я ждал. Ждал и не отдавал себе отчета, для чего это ожидание. Я лишь знал, что жду повторения чуда, которого жаждал, видимо, всю свою жизнь. Я желал ночного утешения, иллюзии незабвенной ночи.

Интуиция меня не подвела. Часы показывали десять минут четвёртого, когда Айдан подошла к двери моего балкона. На этот раз её сопровождала её кошка. Кошка вошла в комнату через открытую дверь и замяукала. За ней вошла Айдан. Её глаза были закрыты. Она была в розовой ночной рубашке до щиколоток. Под прозрачной тканью отчётливо выделялись все изгибы и очертания её нежного тела. Она начала расхаживать по комнате. Двигалась так свободно, словно эта квартира была давно ей знакома – ни к чему не прикасаясь, ничего не передвигая, она кружила по всей комнате. Это были необычные движения – это был танец, который она исполняла под лунным светом, заливающим комнату. Она танцевала без музыки, но создавалось ощущение, что порхает она под прекрасную, лирическую мелодию...

...На закате мы едем из Мардакана¹ в сторону моря. Облака окрашены в баклажанный цвет... Вокруг царит унылая тоска чудного абшеронского вечера... Мы едем на машине с откидным верхом, я сижу за рулём. Ветер развеивает белокурые волосы сидящей рядом со мной девушки – я чувствую на лице нежное прикосновение её волос. Её грустные глаза – цвета тёмной ночи, словно капля крошечной тьмы, как две чёрные виноградины... Эта девушка – Айдан. Я гляжу на неё – она улыбается, меня ослепляет свет её белоснежных зубов... Она обнимает мою шею, прижимается щекой к моей щеке...

Мою душу переполняют самые искренние, самые ласковые слова. Слова созревают как весенние плоды, дозревая до своей полной спелости. В моей душе, словно птица в клетке, отчаянно бьются слова, которые я всю жизнь хотел сказать кому-то, но так и не смог...

А кому мне сказать эти слова? Ведь рядом со мной никого нет.

У меня никогда не было машины с откидным верхом. Я никогда не сидел за рулём, не водил машину. Никогда не чувствовал на лице прикосновение развеивающихся волос девушки. Но я знаю, что эта девушка – Айдан, которую я ждал всю свою жизнь, которая в одну прекрасную ночь неожиданно явилась в мою комнату.... Девушка, которую тридцать лет тому назад я посадил в свою воображаемую машину и увёз к воображаемому морю, чувствуя на лице прикосновение её волос, развеивающихся под дуновением воображаемого ветра.

Понятие времени сегодня в моей комнате отсутствовало. Времени, прошедшего от моих давнишних мечтаний до сегодняшней ночи, не было. ВРЕМЯ замерло.

Лёгкие движения рук танцующей девушки вливались в мою душу подобно музыке... Я словно слушал «Адажио» Томмазо Альбиниони – грустную мелодию, полную опасения вечной разлуки, сожаления о краткости счастливых дней. Она, словно балерина, совершала па на кончиках пальцев, как на пуантах. И вновь мне вспомнилась метафора из эпоса «Китаби-Деде Горкуд»: «Шагает, не ступая на землю» ...

Движения Айдан напоминали танцы суфиев, мистиков, кружение дервишей. И только сейчас я понял, почему красивых младенцев сравнивают с Луной. Айдан была истинным олицетворением Луны, таинственной танцовщицей, впитавшей в свое нежное тело всю непостижимую прелесть лунного притяжения... Она кружилась, и от того дуновения, которое поднимала её ночная рубашка, у меня кружилась голова. Мне хотелось встать с места, прижать свою юную гостью к груди, поцеловать её в закрытые глаза, насладиться нектаром её нежных губ.

---

¹ Мардакан – посёлок на Апшеронском полуострове.

Но я знал, что к ней прикасаться нельзя. Прикоснувшись, я бы разбудил её, и, оторвав от её тайного, лунного мира, привёл бы в наш обычный, банальный, бренный мир.

Я понимал, что это ночное представление является аномалией и чуть ли не болезнью. Я полностью осознал возрастную разницу и понимал, что какие-либо любовные связи между нами в реальном мире просто невозможны. Я знал, что если я завтра случайно встречу её во дворе, Лунная девушка не только не вспомнит события этой ночи, но даже не поверит, что всё это происходило в реальности. Взглянув на меня, она просто поприветствует меня приятной, но в то же время холодной и безразличной улыбкой.

Я мог бы разбудить её. Здесь, в комнате было безопасно, не было боязни того, что проснувшись, она упадёт, разобьётся. Но я не знал, как она среагирует, очнувшись в моей комнате, что она обо мне подумает. Наверняка, она никогда не захочет встретиться с глазу на глаз с человеком, который был свидетелем её аномального состояния. Нет, было бы грешно будить её, отрывать от этого таинственного сна.

Я хотел без конца, неотрывно любоваться этим невиданным, невероятным Лунным танцем... Мечтал о том, чтобы этот танец никогда не завершился, чтобы машина никогда не прибывала к морю, чтобы тучи никогда не скрывали Луну, и чтобы Айдан не просыпалась и чтобы её не смущала реальность жизни.

Кошка моей гостыи спокойно лежала на диване, свернувшись в клубок. Она словно тоже любовалась этим лунным танцем и слушала воображаемую мной музыку.

Музыка неизбежно и неумолимо близилась к концу... Всему прекрасному когда-то наступает конец. Завершался и этот чудный танец... Размахивая руками, как раненый журавль крыльями, Айдан вышла на балкон и медленными шагами направилась по карнизу к своей квартире. Кошка послушно следовала за ней.

Музыка в моей душе иссякла.

ГЛАВА 16

Шесть-три, четыре-два, пара пятёрок

«Абсолютного зла не существует. Злодеяние – понятие относительное. То, что является для кого-то свободой, может являться для другого кандалами. Для змеи яд – это жизнь, а для человека – смерть. Для рыб море – среда обитания, а для сухопутных существ – смертельный омут».

Джалаладдин Руми

«Человек, отрекающийся от древних и твердых законов, должен уже сам определить, что для него является Добром, а что – Злом».

Ф.М.Достоевский
«Братья Карамазовы»
(Великий инквизитор)

Я стоял возле железных ворот дома № 20, расположенного на третьем повороте справа в восьмом микрорайоне. Я нажал на кнопку звонка, ворота открылись. Меня провели в дом. С обеих сторон просторного двора стояли дорогие иномарки. Меня проводили на второй этаж, и я вошёл в просторный зал. Двое мужчин, один – весьма старый, и второй, немного моложе играли в нарды. Ни того, ни другого я не знал. Один из игроков – мужчина в белой рубашке, лампасных брюках и тапочках, встал и протянул мне руку:

– Полковник Гасым Шейдаев, – сказал он.

Это был его дом, и это он пригласил меня сюда. Его товарищ, не вставая, тоже протянул руку. Когда он повернул голову, я заметил на его левой щеке глубокий шрам. Они продолжали играть в нарды. «Сейчас Гасым бросит шесть-пять», – подумал я, и полковник бросил точно: шесть-пять. «А этот бросит четыре-три» – и эта догадка оказалась верной.

В зал вошла женщина в чёрном платье, голова её была покрыта чёрной шалью. У неё в руках был поднос с тремя стаканами чая. Она поставила стаканы перед нами, и, не проронив ни слова, удалилась.

– Если вы бросите пару пятёрок, то выиграете «марсом», – сказал Гасым своему товарищу.

«Он выбросит две пятёрки!» – подумал я. Мужчина со шрамом бросил кости, и точно: две пятёрки.

– Выпейте чай, – сказал Гасым, – я сейчас вернусь.

Как только он вышел из комнаты, человек со шрамом сразу перешёл к делу:

– Это я вас вызвал, – сказал он, – попросил полковника пригласить вас. Если не ошибаюсь, вы знакомы...

– Нет, я вижу его впервые.

– Но мне сказали, что вы когда-то жили по соседству.

Я молча покачал головой.

– Это неважно, – сказал он, – я хочу обсудить с вами один вопрос. Вы знаете Гуси Гафарзаде...

– Знаю, – ответил я, – он один из наших видных учёных.

– Да. Он, к тому же, владелец очень древнего и крайне ценного ковра с таинственными узорами.

– Вот этого я не знал.

– А мне сообщили, что вы знаете всё.

– Это явное преувеличение.

– Что ж... По крайней мере, вы знаете, насколько ценный товарищ этот Гафарзаде. Так что, моё предложение не должно быть для вас неожиданным. Короче говоря, мы должны уберечь Гафарзаде.

– Уберечь? От кого? От чего?

– От дурного глаза. Да-да, не удивляйтесь. Над Гафарзаде сгустились черные тучи. Мои слова могут звучать странно, но, к сожалению, это правда. Против Гафарзаде задействованы оккультные силы.

– Оккультные силы?

– Именно! К сожалению, в силу нашего материалистического воспитания мы до сих пор относимся к оккультным силам достаточно несерьёзно и пренебрежительно, но эти силы существуют, и они сверхмощны. Учёного ждут большие неприятности – и всё из-за этого злосчастного ковра!

- Ковёр хотят похитить?
- Это было бы полбеда, если бы его хотели просто похитить. У них куда более ужасные планы.
- Например?
- Простите, но этого я вам не могу сказать.
- Ну хорошо, а от меня вы что хотите?
- Мы знаем, что вы относитесь к сглазу и порче не как к пустякам и мракобесию, а как к вполне серьёзной проблеме. Это так?
- В определённом смысле так.
- Ладно. Вы издавна проводите опыты в этой области. У нас достаточно сведений об этом. К тому же мы знаем, что вы обладаете необычной суггестивной способностью.
- «Господи, – подумал я, – этот человек знает и про суггестивную способность, про умение внушать, внедряя свои мысли...»
- Да, наша профессия призывает нас знать и такие подробности, – сказал он, словно прочитав мои мысли. Может, он и сам обладал способностью читать чужие мысли?
- Во всяком случае, мне не до конца ясно, чего вы от меня хотите.
- Я ещё раз повторяю – опасность очень велика. Уберечь Гафарзаде от дурного глаза сможете только вы. Только вы, и никто, кроме вас! – и добавил чуть ли не командным тоном: – Это ваш долг перед нашей Родиной, народом и независимым государством.
- Гасым вошёл в комнату:
- Ваш чай остыл, освежить?

ГЛАВА 17

С глазу на глаз

«После обретения человеком свободы, постоянной и наиболее угнетающей его заботой является вопрос о том, кому бы подчиниться. Человек нуждается в авторитете, чуде и тайне для упования, чтобы направить к ним свои действия и поведение. Ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы. Человеку не нужна свобода – ему нужен хлеб. Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: Лучше поработите нас, но накормите нас».

Ф.М.Достоевский.
«Братья Карамазовы»
(Великий инквизитор)

«Дьявол – это тот, кто злодеянием правил...

А человек-злодей – не человек, а Дьявол!»

Гусейн Джавид, «Дьявол»

Набрав код 3,4,6, я открыл дверь квартиры. В комнате стоял полумрак. Почувствовав, что в комнате кто-то есть, я включил свет.

Интуиция меня не подвела. За столом сидел Ахлиман. Мы долго молча смотрели друг на друга. Впервые в жизни мы оказались с глазу на глаз.

В объяснениях не было необходимости – я знал причину его визита. Поэтому сразу начал разговор:

– Не делай этого, – сказал я.

Он тоже всё понимал. И тоже ответил без всяких объяснений:

– Не мешай мне!

Мы оба вновь замолчали. Затем Ахлиман спросил:

– Ты знаешь историю этого ковра?

– Знаю, – ответил я. – я читал книгу, изданную в Америке.

– В таком случае ты должен знать, сколько бед принёс этот ковёр людям. Во время крестовых походов крестоносцы привезли этот ковёр из Багдада в Византию. Императрица Византии опасалась, что ковёр присвоит её сын и власть перейдёт к нему. Тогда она связала родному сыну руки и ноги, упрятала его в мешок вместе с ядовитой змеей и бросила в море. Ты об этом слышал?

– Слышал.

– После завоевания Стамбула этот ковёр хранился во дворце как символ власти, и во избежание противоборства за приобретение ковра султаны казнили всех своих сыновей ещё в пелёнках, оставив только одного. Ты знал об этом?

– Знал.

– Во время Чалдыранской битвы¹ глава гарема Султана Салима² – скопец Минас предал султана, похитил ковёр и перешёл на сторону Гызылбашей³. Это тебе известно?

– Известно.

– Но Шах Исмаил⁴ казнил его, сказав: «Если он предал султана, значит, предаст и меня!» Этот ковёр перешёл от Сефевидов⁵ к Афшарам⁶, от Афшаров – к Гаджарам⁷. Позднее в Иране в

¹ Чалдыранская битва – сражение, произошедшее 23 августа 1514 года между сефевидской и османской армиями в Чалдыране (к северо-востоку от озера Гейча).

² Султан Салим II – одиннадцатый султан Османской империи, правил в 1566-1574 гг.

³ Гызылбаша (дословно: золотые головы) – объединение тюркских кочевых племён, говоривших на азербайджанском языке. Гызылбашами их называли из-за головного убора красного цвета.

⁴ Шах Исмаил Сефеви или Шах Исмаил Хатаи (1487-1524гг.) – правитель Персии, полководец и поэт, основатель династии Сефевидов.

⁵ Сефевиды – тюркская шахская династия, правившая с начала XIV века районом Ардебилля иранской провинции Азербайджан, а в 1501-1722 и 1729-1736 гг. – всей территорией Ирана.

⁶ Афшары – тюркоязычный народ, один из 24-х огузских племен. Исторически афшаров относят к туркоманам; современные афшары считаются субэтносом азербайджанцев.

⁷ Гаджары – династия, основанная предводителем тюркского племени гаджаров Ага-Мохаммед-хан Гаджаром и правившая Ираном с 1795 по 1925 год.

этот ковёр было завёрнуто тело Панах-хана и привезено в Шушинскую крепость. Панах-хан¹ был усыплен дурманом и должен был очнуться у себя на родине. Однако лекарь, посчитав его мёртвым, произвёл вскрытие. Скопец Шах, узнав о тайне ковра, намеревался отрезать на нём голову Вагифа² во время завоевания Шуши. Но Молла Панах, гадая на звёздах, узнал, что будет спасён. Он послал известие Сафаралы, чтобы те не боялись и ночью же прикончили Гаджара³. Звёзды сулили удачу этой затее.

О дальнейшем тебе известно. После убийства Гаджара Ибрагим-хан⁴ вместе со своей семьёй вернулся в крепость. Тебе известно о дальнейшей участи и Вагифа, и Ибрагим-хана вместе с семьёй...

– А для чего ты мне рассказываешь всё это?

– Потерпи, сейчас узнаешь. Майор Лисаневич⁵ уничтожил всю семью Ибрагим-хана от мала до велика, но приобрести ковёр ему не удалось. Ковёр был присвоен одним есаулом. Ты знаешь, кем был этот есаул?

– Нет, не знаю.

– Он был адъютантом генерала Цицианова⁶. Когда Цицианова убили возле Бакинских ворот, был казнён и его адъютант. Ковёр вместе с отрезанной головой Цицианова принесли в подарок Шахиншаху. Во время конституционной революции ковёр исчез. Позднее, на Тебризском базаре его купил некий бакинский миллионер. Когда XI армия вторглась в Баку, один юный чекист собственными руками расстрелял миллионера и присвоил ковёр. А кто был этот чекист?

– Это был отец Гафарзаде.

– Совершенно верно! Теперь ты понял, к чему я клоню?

– Нет, не понял.

– Испокон веков из-за этого ковра убивали сотни, тысячи людей, было пролито немало крови. Поэтому этот ковёр необходимо уничтожить, вместе с его владельцем. Или же без владельца – это уже не важно.

– Как это не важно? Ковёр – это ковёр, а человек есть человек...

– Этот человек – подлец, сын подлого отца. Яблоко от яблони, как говорится... Гадкий лицемер, который только и знает, что вредить людям.

– А кому он навредил?

– Ну, например, лично мне!

– Ах, вот оно что! Вместо того, чтобы метать бисер и ходить вокруг да около, так бы сразу и сказал, что хочешь свести с ним личные счёты.

– Думай, что хочешь, а моё мнение таково: необходимо искоренить преступления, совершаемые на протяжении веков, и уничтожить ковёр, источник всех этих преступлений. А если

---

¹ Панах-хан, Панах Али-хан (1693-1763гг.) – создатель и первый правитель Гарабахского ханства, основатель ханской династии Джаванширов.

² Молла Панах Вагиф (1717-1797гг.) – азербайджанский поэт и государственный деятель XVIII века.

³ Ага Мохаммед Шах Гаджар (1741-1797гг.) – шах (шахиншах) Персии в 1779-1797 годах. Основатель династии Гаджаров.

⁴ Ибрагим-хан, Ибрагим Халил-хан (1732-1806гг.) – хан Гарабаха (1759 (1763) – 1806гг.); после вхождения Гарабахского ханства в состав Российской империи – генерал-лейтенант русской армии.

⁵ Майор Лисаневич Дмитрий Тихонович (1778-1825гг.) – участник Кавказской войны; в дальнейшем получил звание генерал-лейтенанта.

⁶ Генерал Цицианов Павел Дмитриевич (1754-1806) – русский генерал грузинского происхождения, главнокомандующий российских войск на Кавказе. Был убит в 1806 г. во время покушения племянником Бакинского хана Гусейнгулу-хана – Аслан-беком возле Бакинских ворот.

владелец ковра попытается помешать этому, то нужно уничтожить и его как соучастника преступлений.

– Кровь кровью не смоешь. Нельзя искупить одно преступление другим. Если причинить кому-то зло, то человек этого не простит и будет искать возможности отплатить злодею той же монетой. Разорвать порочную цепь злодеяний таким путём невозможно.

– А чем же тогда искоренить зло, угнетения, несправедливости?

– Только милосердием, прощением, благодеянием.

– Значит, надо следовать словам Христа – бьют по правой щеке, подставь левую. Нет, я предпочитаю придерживаться заповедей не Нового, а Ветхого Завета: глаз за глаз, зуб за зуб... Я...

– Теперь послушай, я расскажу тебе одну мудрую притчу. Некто, доведенный до отчаяния бесконечными злодеяниями своего соседа, обращается к мудрецу за советом. «Ступай, – говорит тот, – сделай что-нибудь доброе для этого соседа.» Человек, не смея перечить мудрецу, следует его совету. Через некоторое время бедолага вновь сталкивается с подлым поступком соседа и приходит к мудрецу за советом. Мудрец даёт ему то же наставление. Это повторяется несколько раз. Наконец, человеку всё это окончательно надоедает. Придя к мудрецу, он говорит: «Я последовал твоему совету, но мой сосед всё ещё продолжает причинять мне зло, и мне надоело отвечать на это добротой». На что мудрец отвечает: «Если твой сосед не устаёт совершать злодеяния, то отчего же ты должен уставать делать добро?»

Наш народ тоже придерживается подобной мудрости: доброта за доброту – удел каждого, а доброта за злодеяние – удел избранных.

– Хоть это и народная мудрость, но уж очень гнилая философия. Куда более разумна китайская мудрость: «Если ты будешь отплачивать за злодеяние добротой, то чем же ты ответишь на доброту?» А? Что скажешь?

– Скажу, что добро надо делать всегда в ответ – как на доброту, так и на зло. Иначе получается, что совершая добро, ты ждёшь взамен награду, значит, твоя доброта небескорыстна. Джалаладдин Руми призывал к добродетели всех – и мусульман, и христиан, и огнепоклонников, и иудеев, даже тех, кто сотни раз каялся и сотни раз нарушал свое покаяние. Христос взял на себя все людские грехи...

– А люди распяли его!

Его примечание я пропустил мимо ушей.

– Будда говорил: я готов брать на себя все мирские грехи, лишь бы облегчить мучения и страдания человечества. А наш Физули¹ пишет:

Обрекай меня на грусть и страдания,

Но избавь мир от негодования.

– Тогда ответь мне, – сказал Ахлиман, – отчего безгрешный младенец рождается на свет с различными увечьями: глухим, слепым, немым, умственно отсталым – в чём его вина?

– Возможно, этот ребёнок расплачивается за грехи, совершённые им в прошлой жизни.

Ахлиман расхохотался.

---

¹ Мохаммед Физули (1494-1556) – великий азербайджанский поэт и мыслитель, классик азербайджанской поэзии, сыгравший важную роль в становлении азербайджанской и турецкой поэзии. Широко известен как величайший лирик, творивший на родном азербайджанском, а также персидском и арабском языках.

– Реинкарнация, проживание нескольких жизней... Глупейшая заповедь индийской философии о возможности прожить несколько раз и пожинать плоды своих действий, совершённых в прошлой жизни. И ты веришь в эту чепуху?

– Я – да. А ты не веришь?

– Разумеется, нет. Покажи мне хотя бы одного человека, который якобы когда-то жил, и помнит что-либо из прошлой жизни. А поскольку ничего из прошлой жизни человек не помнит, то какая разница – жил он когда-то или нет?

– Разница в том, что ты понимаешь причину несправедливостей, с которыми сталкиваешься в нынешней жизни. Карма – величайший закон существования. Карма – это имитация всех ошибок природы и человечества, предотвращающая их повторение. В то время, как «богачи бесчеловечны, а люди гуманные – бедны», в то время, когда всегда «своя рука – владыка», в мире царят несправедливость и угнетения, «у сильного бессильный виноват», великие государства эксплуатируют и глумятся над мелкими, слабыми странами, только карма помогает осознать причину всего этого. Вред, причинённый человеком другому человеку в какой бы то ни было жизни, – это злодеяние, направленное против всего человечества, и человечество расплачивается за эти злодеяния. Некто однажды поранил кошку. Возвращаясь домой, он заметил у матери на лице царапины. «Откуда эти царапины?» – спросил он, на что мать ответила: – Это твои деяния!

– Постой-ка, получается, что согласно твоей индийской философии, каждое живое существо появляется на свет по нескольку раз?

– Именно!

– Ну ладно, допустим, в прошлой жизни – как бы мне сказать, чтобы не обидеть тебя – ты был соловьём или шелковицей. Какой вред мог причинить людям соловей или шелковица, что ты потом расплачиваешься за это? Ты молчишь, так как тебе нечего сказать. Или же другой вопрос: допустим, в прошлой жизни ты был таким же человеком. А твоими родителями в прошлой жизни были те же люди, что и в нынешней, или другие? Что ты на это ответишь?

– Есть вопросы, ответы на которые хранятся в тайне, и человеческий ум не в силах их раскрыть. Наш интеллект не способен охватить всё это. Кто-то из мудрецов говорил: «Перед тайнами мира лучше промолчать!» Молчание – это способ избежать ошибок.

– Ну вот, опять – двадцать пять: долой сомнения! Именно на этом и строилась вся коммунистическая идеология: не спрашивай, не сомневайся, уверуй! Как говорил Сабир¹:

Ты не думай, стой, замри,
Ничего не говори...

Просто верь в то, что тебе внушили: в коммунизм, в явление Христа, во всякий бред сивой кобылы. Ведь все религии, если не учитывать их различия, преследуют одинаковые цели: либо утешать человека, избавить его от страха тьмы, тишины и пустоты Судного дня и кормить его лживыми обещаниями: выдержи гнёт этого мира, терпи всё на том свете приобретёшь райские блага. Или же угрозы: веди себя хорошо, иначе сгоришь в аду. Всё это рассчитано на человеческие слабости, его неумение мыслить. И карма, и реинкарнация – всё из той же оперы.

Он протянул мне пачку сигарет:

– Закуришь?

---

¹ Мирза Алекпер Сабир (1862-1911) — азербайджанский поэт, сатирик.

– Ты же знаешь, я не курю! – ответил я.

Он прикурил и с наслаждением затянулся.

– Я расскажу тебе одну притчу, – сказал он, – а ты выразишь своё мнение: Жили-были три брата. Один из них был праведником, второй – преступником и убийцей, а третий умер ещё в младенчестве. Как, по-твоему, какая участь их ждёт на том свете, если верить в рай и ад?

– Если существует рай и ад, то, несомненно, праведник должен очутиться в раю, а преступник – сгореть в аду.

– А младенец?

– А младенец, скорее всего, останется между ними, на порогерая и ада.

– Тогда другой вопрос. Младенец спрашивает: «Почему же я не вырос, а умер в младенчестве?» Каков будет ответ?

– Судя по твоим понятиям, если бы этот младенец вырос, то стал бы преступником и убийцей. Поэтому его смерть в младенческом возрасте была целесообразна.

– Пусть так. Но в таком случае, его брат, который был преступником и убийцей, может задаться вопросом: «Если в жизни мне было предписано совершать преступления и убивать, то почему же я не умер в младенчестве и не избавился от вечных мук в аду?» Что можешь ответить? Вот видишь, приятель, этот мир полностью лишён логики, а человек является жалким, беспомощным, нетерпеливым, завистливым и злопамятным существом, случайно брошенным в этот бранный мир.

– Нет-нет, это не так!

Но Ахлимана было не остановить – он говорил без умолку:

– Что такое человек? Жалкое существо, неспособное стать даже Дьяволом – слабое, бессильное существо, обделённое талантом и возможностями, падкое до любви, привыкшее к половым связям в своих развратных фантазиях; амбициозное и лицемерное существо, возомнившее себя создателем не только низких, но и высоких гор, бессмысленное, как сам мир. Завистливый, лживый клеветник, злопамятный лизоблюд... Бессильное, жалкое создание, которое якобы стремится к свободе, но обретая, пугается её как чёрт ладана. Человек готов перекаладывать ответственность за каждый свой выбор на других и находится в вечных рабских поисках хозяина, идола для поклонения. Человек – это животное, уплетающее вкуснейшие яства мира и превращающее их в фекалии... Человек – это дикарь, который охотится на такие же живые существа, как и он сам, и не довольствуясь мясом животных, птиц и рыб, зарится на их яйца, икру, мёд. Он сеет мешок зерна, и для того, чтобы получить не один, а десять мешков урожая, убивает землю ядовитыми удобрениями, загрязняет моря нечистотами, уничтожает леса, травит воздух газом и дымом. Безмозглая тварь, которая предаёт забвению своё прошлое, не задумывается о будущем, живёт сегодняшней жизнью. Сартр прав, говоря, что ад – это другие, то есть все люди, кроме самого себя, являются исчадием ада.

– Нет, нет и ещё раз нет! Человек – это Насими¹, который пожертвовал собой ради собственных убеждений. Человек – это Толстой, создавший «Хаджи Мурата», это – Махатма Ганди, Альбер Швейцер, Мать Тереза. Человек – это Януш Корчак, который не оставил своих учеников погибать, а разделил их участь, и вместе с ними принял смерть. Человек – это самые нежные и красивые женщины мира, самые смелые, сильные, волевые мужчины, самые невинные дети, самые мудрые старики. Человек – это Физули, Ли Бо, Рафаэль, Моцарт, Чехов.

---

¹ Сеид Имадеддин Насими (1369 — 1417) — выдающийся азербайджанский поэт, философ и мистик.

– Оставайся при своём мнении. Живи так, как считаешь нужным, проживи эту жизнь среди заблуждений и пустых обещаний, сулящих надежды на достижение целей в жизни следующей. Но не вздумай мешать мне делать то, что я считаю нужным. Впрочем, ты и не сможешь мне помешать, даже если очень захочешь.

Я даже не заметил, как Ахлиман исчез. Возможно, его здесь вообще не было, он мне просто померещился...

Однако в комнате всё ещё стоял ванильный аромат его сигарет, а в пепельнице тлело несколько окурков.

ГЛАВА 18

Ночное представление

«Философствовать – значит быть готовым к смерти».

Мишель Монтень

«Человек сможет перебороть страх смерти только тогда, когда будет осознавать одну неоспоримую истину: до тех пор, пока в этом мире живёт хотя бы один человек, живёт и он сам».

Свами Вивекананда, индийский философ

«В прямом смысле этого слова, существует только одна серьёзная философская проблема – проблема суицида. Стоит жить или нет – решение этого вопроса является ответом на базовый вопрос философии».

Альберт Камю,
французский писатель и философ,
«Миф о Сизифе»

Сообщение: Вчера ночью, в результате короткого замыкания электропроводов в квартире известного учёного Гуси Зелимовича Гафарзаде возник пожар. При пожаре сгорело всё имущество, находящееся в квартире, в том числе очень древний и дорогой ковёр. В настоящее время учёный находится в реанимации с серьёзными ожогами. Врачи борются за его жизнь.

В половине четвёртого ночи зазвенел телефон. Ночные звонки всегда пугали меня. Я услышал незнакомый голос:

– Немедленно оденьтесь и спускайтесь вниз!

Кто был он, говорящий командным тоном? Куда и зачем звал меня? Почему я смиренно выполнял его команду? Поспешно одевшись, я спустился во двор. Прямо перед дверью подъезда стоял красный лимузин. Я сел в машину. В темноте я не мог разглядеть лицо человека,

находящегося за рулём, но когда машина выехала из двора, в свете полнолуния я увидел на его лице глубокий шрам.

Ни он, ни я, не промолвили ни слова. Я даже не решался спросить – куда, зачем мы едем? У меня словно язык отнялся. Проезжая через устрашающе тихие улицы, освещаемые лишь полной луной, машина выехала из города. Единственными признаками жизни на тот момент были мигающие красные, жёлтые и зелёные цвета светофоров, стоявших на перекрестках.

Мы следовали по Маштагинской дороге. Проехав через Бузовны и Мардакан, мы вышли на магистральную дорогу Шувелана¹, и, преодолев песчаные дороги между дачными домами, подъехали к большому зданию. Это здание напоминало Дворец культуры советских времён.

Мы вышли из машины, и вошли в клуб – если, конечно, это помещение можно было назвать клубом. Мои часы показывали без четверти четыре. Салон был освещён зловещим фиолетовым светом. Первые ряды, в отличие от задних, были заполнены.

Я уселся на свободное место в переднем ряду. Зрители сидели молча, неподвижно, уставившись на сцену. Я начал разглядывать их, одного за другим: многие из них были мне знакомы. Чуть поодаль сидел мальчик лет десяти, и когда я взглянул на него, у меня волосы встали дыбом – это был соседский мальчик в меховом пальто, давно погибший. Я вспоминал сидевших тут зрителей одного за другим: вот этот был моим другом – Мохсун, а вот его дядя Мадат-киши, это Рубаба, вот Закир... Члены учёного совета. Гуси Гафарзаде. О боже – мои родители! Но и они смотрели не на меня, а на сцену.

Я был в ужасе – собравшиеся здесь зрители были людьми, ушедшими в мир иной. Теперь я, содрогаясь, осознавал тайную и истинную суть выражения «уйти в мир иной».

Внезапно они все начали аплодировать. Хлопков не было слышно, но по их жестам было ясно, что они аплодируют кому-то, находящемуся на сцене, но пока за занавесом. Я перевел взгляд на сцену. Красный занавес медленно раскрылся, и на сцену вышла танцующая Айдан. У меня сердце оборвалось – как она очутилась здесь, среди мертвецов?!

Я вздрогнул от женского крика, и, вскочив с постели, бросился на балкон. На асфальте двора в утреннем полумраке лежало тело Айдан. Её мать истошно кричала, рвала на себе волосы.

Я обернулся – крупный амулет от сглаза, висящий на стене, был разломлен надвое; одна половинка осталась висеть на стене, а другая упала на пол и разбилась вдребезги.

Возле рассыпавшихся осколков амулета стоял Ахлиман.

– Зачем ты это сделал? – спросил я. – В чём была вина этой девушки?

– Это сделал ты, – ответил Ахлиман. – Это ты её убил... Ты спал, когда она опять явилась спящая в твою комнату. А когда она уходила, ты вскрикнул во сне: «Не уходи, умоляю тебя!». Она от твоего крика проснулась и тут же с карниза сорвалась вниз. Хорошо хоть, бедняжка не мучилась, смерть её была мгновенной.

Говоря эти слова, Ахлиман медленно приближался ко мне. Я знал, чего он хочет. Он вышел на балкон и нагнулся вниз, стоя спиной ко мне. Ни секунды не колеблясь, я резким движением изо всех сил толкнул его, и, не успев уцепиться за перила, он полетел вниз. В следующее мгновение его тело лежало рядом с телом Лунной девушки...

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА:

---

¹ Пригороды Баку.

Наверняка проницательный читатель понял, что оба персонажа по имени Ахлиман (Ахриман и Ормузд) являются одним и тем же лицом. В таком случае может возникнуть вопрос: хотел ли автор сказать, что символ Добра, Ормузд, убивает символизирующего Зло, Ахримана? Но ведь это одно и то же лицо – следовательно, погибают они оба...

Да, это так. Но вернёмся к началу повествования. Как оказалось, человек, похороненный заживо, не умер. По счастливой случайности или, возможно, необходимости, по чьей-то прихоти он был вызволен из могилы, вернулся к жизни и начал жить дальше. Но чьё это возвращение – Ормузда? Или Ахримана? Добра или Зла? Может, их обоих?

Ответ на этот вопрос я оставляю за самим читателем.

Июль, август, сентябрь – 2014,
Дубровник-Баку

Перевод Натига РАСУЛЗАДЕ